

УДК 947 (571.1)

А. В. СУШКО

Омский государственный
технический университет,
г. Омск

УЧАСТИЕ ОМСКОГО ДУХОВЕНСТВА В СОБЫТИЯХ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ (НА ПРИМЕРЕ СУДЕБ АРХИЕПИСКОПА СИЛЬВЕСТРА (ОЛЬШЕВСКОГО) И СВЯЩЕННИКА В. Ф. ИНФАТЬЕВА)

В статье охарактеризовано участие омского духовенства в событиях Русской революции и Гражданской войны на примере судеб омских священнослужителей архиепископа Сильвестра и законоучителя В. Ф. Инфатьева. Автор показал, что РПЦ в Омске поддержала революционное свержение монархии и начала реформирование церковной жизни применительно к новым условиям. Логика развития революционного процесса, вылившегося в Гражданскую войну, сделала Омск столицей Белой России и привела духовенство омской епархии в антибольшевистский лагерь. Поэтому политические репрессии 1920–1930-х гг. в отношении духовенства бывшей столицы Белой России были неизбежным следствием Гражданской войны и активной поддержки священством белого движения.

Ключевые слова: революция, Гражданская война в России, Русская Православная Церковь, омская епархия, архиепископ Сильвестр (Ольшевский), священник В. Ф. Инфатьев.

Работа выполнена при поддержке РФФИ и Правительства Омской области. Проект 17-11-55001.

Участие Русской Православной церкви (РПЦ) в событиях революции и Гражданской войны в России достаточно давно и подробно исследуется отечественными историками. В советской историографии безальтернативно господствовала точка зрения о РПЦ как контрреволюционной организации. Например, историк И. Эйгорн писал: «Духовенство Сибири всегда служило эксплуатации и одурманиванию трудящихся, выступало на стороне контрреволюции в борьбе против рабочих и крестьян» [1, с. 5]. В наиболее значимых работах советских историков акцентировалось внимание на поддержке РПЦ режима адмирала А. В. Колчака для коммунистического режима, являвшегося главным противником в Гражданской войне и своеобразным пропагандистским жупелом в последующие годы. Следует отметить, что советские историки ввели в научный оборот значительный массив исторических документов и фактов, подтверждавших их точку зрения на проблему о контрреволюционной

роли РПЦ в событиях революции и Гражданской войны.

В современной российской историографии оценка роли РПЦ в событиях революции и Гражданской войны в России изменилась. Это произошло на основе введения в научный оборот значительного массива источников. Они не использовались в исследованиях советских историков, отбравших материал под заданную коммунистическим государством концепцию, в рамках которой РПЦ являлась контрреволюционной организацией. В работах современных специалистов приводится множество фактов революционных настроений среди духовенства и участия священников в революционном движении. Ю. А. Петровым, обратившимся к анализу проблем современных историографических тенденций при изучении революции в России, был сделан вывод о том, что «историками окончательно отвергнут взгляд на церковь как оплот контрреволюции» [2, с. 8]. Если рассмотреть ситуацию

в Российской империи с Февраля по Октябрь 1917 г. то с этим трудно поспорить. Однако после Октября значительная часть духовенства включилась в антибольшевистское движение, что давало противникам РПЦ право называть ее контрреволюционной организацией. При этом в отдельных регионах распавшегося государства проявилась местная специфика политической борьбы и участия в ней духовенства.

Цель данной работы — охарактеризовать участие омского духовенства в событиях Русской революции, сфокусировав внимание на личностях правящего архиерея архиепископа Сильвестра (Ольшевского), определявшего политику РПЦ в Омской епархии, и законоучителя Омского среднего сельскохозяйственного училища В. Ф. Инфатьева. К началу Русской революции В. Ф. Инфатьев был обычным священником, не занимавшим начальствующих должностей в епархии. В годы Русской революции он участвовал в основных событиях общественно-политической жизни, подчиняясь указаниям правящего архиерея. Судьба В. Ф. Инфатьева оказалась неразрывно связанной с судьбой церкви в Омском Прииртышье.

Под руководством правящего архиерея архиепископа Сильвестра омское духовенство поддержало Февральскую революцию. Официальный орган РПЦ журнал «Омские епархиальные ведомости» в материале «Торжество гражданских свобод в Омске» освещал революционные события и отношения к ним местного духовенства. В статье обращают на себя внимание три момента. Во-первых, от имени РПЦ издание освещало Февраль в «лучших традициях» антимоноархической либеральной прессы, позволяя себе явную ложь в адрес монархии, обвиняя ее в германофильской политике. «Омские епархиальные ведомости» так объясняли читателям смысл свержения монархии в России: «Многие склонны смотреть на него, как на следствие борьбы за власть. В действительности же это было не так. Из действий прежнего правительства за последнее время видно, что оно, находясь под влиянием германофильской партии, вносило расстройство в государственную жизнь и без того расстроенной и подорванной страны. Недаром и Государственная Дума, и Государственный Совет, и Московское дворянство сошлись в одном и том же убеждении, что дальше жизнь государственная так идти не может и что необходимо изменение в государственном строе. И совершившийся переворот явился, как неизбежно необходимое следствие всех, последних действий прежнего правительства» [3, с. 17]. Во-вторых, вскоре после событий Февраля, в ходе крестного хода, проведенного в Омске, на котором архиепископ Сильвестр произнес проповедь об отречении императора и необходимости оказания поддержки Временному правительству, он также прочитал молитву «на разрешение союза клятвенного и осенил крестом народ на все четыре стороны». Тем самым архиепископ в религиозном отношении от имени РПЦ освободил народ от присяги императору [3, с. 22]. В-третьих, омское духовенство приняло революцию и активно включилось в процесс создания органов революционной власти. По сообщению епархиальных ведомостей оно в присутствии архипастыря провело собрания, где были избраны представители для участия в работе новых органов Временного правительства — в Коалиционном комитете и в Совете военных и рабочих депутатов. Также, по сообщению церковного органа печати, «отдельные лица из духовенства вы-

ступали с большим успехом на митингах» [3, с. 17]. Таким образом, омское духовенство в дни Февраля стало силой, поддержавшей свержение монархии в России, встав на сторону сил революции.

РПЦ на территории Омского Прииртышья активно включилась в революционную модернизацию общественной жизни страны. В июне 1917 г. проходил Чрезвычайный съезд духовенства и мирян Омской епархии. На съезде избирался новый орган — Церковно-епархиальный совет. В результате выборов законоучитель Омского среднего сельскохозяйственного училища В. Ф. Инфатьев был избран в члены совета [4, с. 21]. Кроме того, съезд избрал В. Ф. Инфатьева в Редакционный комитет, который был должен отвечать за епархиальные печатные издания [5, с. 29]. Это свидетельствовало об авторитете В. Ф. Инфатьева среди омского духовенства.

В августе 1917 г. открылся Всероссийский Собор Православной Российской Церкви. Как глава епархии в работе собора принял участие архиепископ Сильвестр. На собор от омского духовенства был избран В. Ф. Инфатьев [6, с. 105]. Собор начал процесс демократизации жизни церкви и адаптацию ее к условиям либеральной модели общественного развития страны. Омский священник стал участником церковного форума 5 (18) ноября 1917 г., восстановившего патриаршество в России. Следует согласиться с И. Красовской и И. Черказняновой считающими, что участие в соборе «во многом определило его позицию последовательного приверженца Тихона» [7, с. 42]. Отметим, что участие в работе собора для омского священника было непродолжительным. После избрания патриарха 7 ноября 1917 г. В. Ф. Инфатьев получил разрешение Соборного совета уехать в оплачиваемый отпуск на 14 суток [8, с. 142]. В декабре 1917 г. отпуск был продлен до конца сессии без содержания [8, с. 239]. В связи с эскалацией Гражданской войны в России В. Ф. Инфатьев больше не смог принять участия в работе собора.

Октябрь коренным образом изменил церковно-государственные отношения. Декрет Совета народных комиссаров об отделении церкви от государства и школы от церкви не просто освобождал церковь от опеки государства, но лишал ее прав, необходимых для полноценной деятельности — прав собственности и юридического лица. С этого времени отношение РПЦ к революции изменилось. Патриарх Тихон в своём послании от 19 января 1918 г. осудил безбожников и призвал «встать на защиту оскорбляемой и угнетаемой Матери» (церкви). Это послание патриарха активно использовала пропаганда антибольшевистского движения для мобилизации верующих в свои ряды. С этой целью оно было перепечатано в «Известиях по Омской епархии» в сентябре 1918 г. [9].

В знак протеста против декрета об отделении церкви от государства РПЦ были организованы крестные ходы, многие из которых сопровождались эксцессами между верующими и представителями Советской власти. Столкновениями сопровождалась крестные ходы в Харькове, Саратове, Нижнем Новгороде, Орле, Вятке, Владимире, Воронеже и многих других городах [10, с. 77]. Не стал исключением и Омск. В городе архиепископом Сильвестром 4 (17) февраля 1918 г. был организован крестный ход, получивший значительный общественный резонанс. Он достаточно подробно описан и оценен в работах омского православного историка С. Г. Сицова [11; 12]. Шествуя по улицам города, грандиоз-

ный крестный ход останавливался у каждого храма, епископ служил молебен, а затем обращался к народу с увещательным словом, призывая хранить православную веру и защищать храмы, которым при наступающем порядке грозило разорение. На следующий день обеспокоенные активностью церкви власти арестовали архиерея и вызвали этим в городе двухдневные беспорядки, вынудившие власти освободить владыку. С. Г. Сизов справедливо отмечает: «Характерно, что позднее события 5–6 (18–19 февраля) 1918 г. в Омске были названы большевиками «антисоветским выступлением» и «поповским мятежом». Эта оценка повторялась и в советской историографии, и в поздних работах. Утверждалось, что «планировалось арестовать большевистских лидеров, свергнуть Советскую власть в Омске. Город был объявлен на осадном положении, имели место вооруженные столкновения сторонников и противников Советской власти». Сегодня повторять такие оценки событий, значит, отступать от принципа объективности. Выражение «поповский мятеж» — это большевистский штамп, который не выражает сущности происходивших событий. Выступления верующих в Омске было ничем иным, как попыткой выразить свою гражданскую позицию, защитить Православную веру от богоборческой власти, остановить насилия и защитить правящего епископа» [11, с. 125–126].

Гонения на церковь первых месяцев Советской власти укрепили православные приходы Омска. Проявив высокую социальную активность, верующие Омска сплотились и в условиях нового законодательства начали организовывать общины. В качестве примера опишем организацию общины при церкви Омского среднего сельскохозяйственного училища. Настоятелем этой церкви был законоучитель, участник поместного собора В. Ф. Инфатьев, который на основании декрета об отделении церкви от государства 1 марта 1918 г. был уволен из училища [13]. В апреле 1918 г. инициативная группа прихожан распространила подписные листы с целью выяснения потребности в создании православной общины при церкви училища и готовности людей вносить средства на содержание священника. Организаторы общины получили поддержку, и 28 апреля 1918 г. состоялось первое собрание общины христиан, на котором были оглашены итоги сбора подписей. Было выявлено «125 фамилий, заключающих в себя 518 человек, желающих записаться в общину. Общее собрание постановило взимать с каждого семейства по 2 рубля и с учащихся по 50 копеек ежемесячно» [14]. С этого дня община при училище считалась основанной. Священник В. Ф. Инфатьев получил место с содержанием за счет прихожан, высказавших ему свое доверие. Указанная община в городе считалась маленькой. Аналогичный процесс организации православных приходов успешно проводился по всему Омску. Миряне проявляли высокую активность, создавая советы христианских общин, куда избирались наиболее уважаемые люди. В условиях революции демократический процесс создания христианских общин повышал социальную активность верующих, превращая церковь в активный субъект общественной жизни города. Естественно, что это вызывало беспокойство представителей Советской власти, считавших РПЦ контрреволюционной организацией.

7 июня 1918 года Советская власть в Омске пала. Омск становится столицей антибольшевистского движения в Сибири. Архиепископ Сильвестр, буду-

чи владыкой столичного города, поневоле побывавший в роли «живого символа антибольшевистского выступления», стал публичным политиком, поддержавшим антибольшевистскую борьбу. В силу пребывания столицы Белой Сибири в Омске, омский владыка возглавил Высшее временное церковное управление (ВВЦУ) Сибири, образованное в ноябре 1918 г. на Томском соборном совещании с целью управления оторванными от власти патриарха Тихона епархиями Востока России. В ходе эскалации Гражданской войны РПЦ в Сибири стала антибольшевистской организацией. Церковный историк Д. В. Олихов об этом пишет следующее: «Антибольшевистская деятельность ВВЦУ Сибири имела для его членов самое приоритетное значение. Они отдавали себе отчет в неизбежности гонений на церковь в случае поражения колчаковской армии... ВВЦУ Сибири определилось со своей позицией по отношению к ведущейся борьбе, назвав войну «священной». Собор духовенства Сибири, проходивший в Омске в апреле 1919 г., предал анафеме руководителей большевистской партии и постановил в каждом богослужении поминать А. В. Колчака как «Верховного правителя» [15, с. 82]. За омским пастырем на сторону белых встало большинство подчинявшегося ему духовенства.

Белые власти отменили советские законы. Общине сельскохозяйственного училища больше не было необходимости за счет прихожан содержать священника В. Ф. Инфатьева. Временное Сибирское правительство вернуло в штат училища законоучителя, являвшегося также настоятелем домового храма, и псаломщика, ассигновав деньги и на церковные потребности [16]. В метрической книге Воскресенской церкви при сельхозинституте содержатся записи о совершенных священником В. Ф. Инфатьевым с апреля 1918 по март 1920 гг. церковных таинств, свидетельствующие о его службе в данном храме [17].

В колчаковской армии был восстановлен институт военного духовенства. Находившиеся на территории Белой Сибири законоучителя попали в разряд священников, активно привлекавшихся для служения в его структурах. Главный Священник Армии и Флота Касагин «ввиду недостатка кандидатов для замещения священнослужительских мест в действующей Армии», выпустил воззвание к духовенству с призывом «к законоучителям средних учебных заведений, освободившихся теперь от занятий отдать свой досуг на дело служения нашему доблестному христоролюбивому воинству подавая заявление о том на имя Главного Священника Армии и флота» [18]. Волею судьбы законоучитель В. Ф. Инфатьев попал в число священников окормлявших белое воинство. На территории учебного заведения, где находилась его церковь, был открыт госпиталь для белых воинов. Многие из них нуждались в духовных наставлениях священника. Долгом В. Ф. Инфатьева была помощь таким людям. Сохранилось обращение руководства Омского сельскохозяйственного училища на имя Главного Священника Армии и Флота, характеризующее В. Ф. Инфатьева как уважаемого пастыря духовного наставника, «живущего на территории с/х училища, имеющего здесь постоянную квартиру и хорошо известного как преподавательскому персоналу, так и рабочим с их семьями». В обращении содержалась просьба отозвать уже назначенного в госпиталь священника, поручив обслуживание нужд госпиталя В. Ф. Инфатьеву [19]. Судя по косвенным

данным, обращение руководства сельхозучилища было удовлетворено. В анкете арестованного позднее органами ОГПУ В. Ф. Инфатьева было указано, что он являлся военным священником в армии А. В. Колчака.

РПЦ в Омске не была контрреволюционной силой. Она не поддержала монархии, не выступала за реставрацию старых порядков. В большинстве своем омское духовенство было за либеральный путь общественного переустройства России и приняло активное участие в демократическом реформировании церкви, адаптировавшем ее к реалиям постимперской революционной России. Участие РПЦ в антибольшевистском лагере явилось ответом на антирелигиозную политику большевиков. Логика развития революционного процесса, вылившегося в Гражданскую войну, сделала Омск столицей Белой России и определила омских священнослужителей архиепископа Сильвестра и законоучителя В. Ф. Инфатьева в ряды антибольшевистского движения. Они стали участниками Гражданской войны, борясь с большевизмом словом. Большинство омских священников следовало за своим владыкой, встав на сторону потерпевшей в Гражданской войне поражение стороны.

С точки зрения большевиков, РПЦ действительно была контрреволюционной организацией, мировоззренчески враждебной Советской власти. В условиях затухающей Гражданской войны практика социального насилия не могла быть быстро изжита. Победители, по меркам того времени, имели основания для политических репрессий в отношении побежденных противников. В отношении омского архиепископа Сильвестра чекистами готовился показательный судебный процесс, который не состоялся. Омский архиерей умер от тяжелой болезни в марте 1920 г. [20]. Священник В. Ф. Инфатьев по обвинениям в антисоветской деятельности арестовывался органами ВЧК – ОГПУ 4 раза: в 1921, 1924, 1926 и 1930 гг. и в итоге был расстрелян. Политические репрессии 1920 – 1930-х гг. в отношении духовенства бывшей столицы Белой России были неизбежным следствием Гражданской войны.

Библиографический список

1. Эйнгорн И. Октябрьская революция и позиция церковников Западной Сибири (материалы в памятку лекторам и докладчикам). Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1969. 16 с.
2. Петров Ю. А. Россия накануне Великой революции 1917 г.: современные историографические тенденции // Российская история. 2017. № 2. С. 3 – 16.
3. Торжество гражданских свобод в Омске // Омские епархиальные ведомости. 1917. № 12. 19 марта.
4. Протокол общего собрания Чрезвычайного Съезда духовенства и мирян Омской епархии от 4 июня 1917 года. № 19 // Бюллетень Съезда духовенства и мирян Омской епархии. 1917. № 8.
5. Протокол общего собрания Чрезвычайного Съезда духовенства и мирян Омской епархии от 5 июня 1917 года. № 20 //

Бюллетень Съезда духовенства и мирян Омской епархии. 1917. № 8.

6. Деяния Священного Собора Российской Православной церкви 1917 – 1918 гг.: репрод. изд. Т. 1. Документы. Материалы. Деяния I – XVI. М.: Новоспас. монастырь, 1994. 188 с.
7. Красовская И., Черказыянова И. От «тьмы» к «свету» предлагала двигаться Советская власть, начав бороться с церковью // Забвению не подлежит. Книга памяти жертв политических репрессий в Омской области. В 11 т. Т. 8. Омск: Кн. изд-во, 2003. 408 с.
8. Документы Священного собора Православной российской церкви 1917 – 1918 годов. В 5 т. Т. 2. Протоколы Соборного совета / Отв. ред. А. И. Мраморнов. М.: Изд-во Новоспасского монастыря, 2013. 736 с.
9. Послание Святейшего Патриарха // Известия по Омской епархии. 1918. № 4 – 5. 1 – 15 сентября.
10. Пласкин Р. Ю. Тихоновщина и ее крах: Позиция Православной церкви в период Великой Октябрьской социалистической революции и Гражданской войны. Л.: Лениздат, 1987. 208 с.
11. Сизов С. Г. Крестные ходы в Омске в 1918 – 1919 годах как способ выражения гражданской позиции Церкви в условиях российской смуты // Вестник Омской православной духовной семинарии. 2016. № 1. С. 124 – 128.
12. Сизов С. Г. Крестные ходы в Омске в 1918 – 1919 годах как способ выражения гражданской позиции Церкви в условиях российской смуты // Омские социально-гуманитарные чтения-2016: материалы IX Междунар. науч.-практ. конф., 19 – 21 апр. 2016 г. / ОмГТУ. Омск, 2016. С. 286 – 292.
13. Исторический архив Омской области (ИАОО). Ф. Р-2024. Оп. 1. Д. 28. Л. 27.
14. ИАОО. Ф. Р-2024. Оп. 1. Д. 11. Л. 12.
15. Олихов Д. В. Создание и деятельность Временного Высшего церковного управления Сибири (1918 – 1920 гг.) // Вестник Омской православной духовной семинарии. 2016. № 1. С. 72 – 86.
16. ИАОО. Ф. Р-2024. Оп. 1. Д. 28. Л. 100 – 100 об.
17. ИАОО. Ф. 16. Оп. 6. Д. 561. Л. 1 – 11.
18. Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 40253. Оп. 1. Д. 1. Л. 896.
19. Архив Управления ФСБ России по Омской области. Ф. 4. Д. П-11368. Л. 14.
20. Панина М. Ф. «Его больше не трогали»: легенда о мученической кончине архиепископа Сильвестра в 1920 г. // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея: сб. науч. трудов. Омск, 2014. № 19. С. 123 – 126.

СУШКО Алексей Владимирович, доктор исторических наук, доцент (Россия), заведующий кафедрой «Отечественная история» Омского государственного технического университета; профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Омского автобронетанкового инженерного института.

Адрес для переписки: Alexsushko@rambler.ru

Статья поступила в редакцию 22.08.2017 г.

© А. В. Сушко

АКМОЛИНСКОЕ ОБЛАСТНОЕ ПРАВЛЕНИЕ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА: СТРУКТУРА, КОМПЕТЕНЦИЯ, ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В статью рассмотрены структура и компетенция областного правления, являвшегося высшим административным учреждением в Акмолинской области. Показаны изменения, произошедшие в составе общего присутствия, в организации деятельности канцелярии и распределении функций между отделениями правления. Обращено внимание на проблемы, возникавшие в ходе работы учреждения и попытки их решения местными губернаторами.

Ключевые слова: губернатор, управление, Акмолинская область, Степное генерал-губернаторство, администрация.

В последнее десятилетие отмечается повышение интереса исследователей к проблемам организации местного управления XIX – начала XX вв. Появилось большое количество работ, в которых объектом изучения является структура и деятельность административных учреждений в лице губернаторов и губернских правлений (А. В. Палин, С. В. Любичанковский, А. С. Минаков и др.). В монографии А. В. Палина анализируются структура, компетенция, состав Томского губернского управления за весь период существования с 1895 по 1917 г. [1]. На примере деятельности администраций Вятской, Пермской, Уфимской и Оренбургской губерний в период 1892–1914 гг. С. В. Любичанковский делает вывод о существовании кризиса власти в Российской империи в целом [2]. Кроме того, ряд диссертационных исследований последних 10–15 лет посвящен тем или иным аспектам работы губернских правлений второй половины XIX – начала XX вв. (работы Е. А. Труниной, Г. В. Павловой, В. А. Тюрина и др.).

Цель данной статьи — рассмотреть структуру, компетенцию и основные направления деятельности Акмолинского областного правления.

В начале XX в. административное управление Акмолинской областью устанавливалось «Степным положением» 1891 г. и состояло из губернатора, а также областного правления, включавшего общее присутствие и канцелярию. Губернаторы являлись председателями различных совещательных учреждений: присутствий, комитетов и комиссий, дополнявших деятельность областного правления при решении важнейших вопросов.

Общее присутствие действовало в составе губернатора, вице-губернатора, советников и начальников отделений. До 1909 г. в него не входили: управляющий государственными имуществами, управляющий казенной палатой (или заменяющие их лица), председатель окружного суда и прокурор. В связи с важностью переселенческого вопроса в 1909 г. в состав общего присутствия были введе-

ны заведующие переселенческим делом, с предоставлением им решающего голоса при обсуждении подведомственных им дел и совещательного — по прочим административным вопросам. В общих присутствиях были сосредоточены дела по составлению различных отчетов, открытии ярмарок, по рассмотрению жалоб, по хозяйственному управлению (рассмотрение и утверждение контрактов, разного рода торги, решение вопросов о несостоятельности), по устройству полицейских учреждений в городах и уездах и т.п.

Канцелярия Акмолинского областного правления состояла из семи отделений во главе с советниками или начальниками отделений (два распорядительных, крестьянское, врачебное, ветеринарное, строительное, межевое (с 1906 г.). В каждом отделении общие вопросы объединялись в специальные делопроизводства (или столы). По штатам 1891 г. в учреждении было предусмотрено всего восемь делопроизводителей и их помощников, в то время как в Тобольском губернском управлении их было 16. Подобное обстоятельство вело к увеличению нагрузки на каждого отделенно взятого служащего и часто было причиной медленного разрешения дел.

В первом отделении Акмолинского областного правления среди общих вопросов велись тюремные дела (в Тобольской и Томской губерниях они рассматривались особым штатом служащих во главе с тюремным инспектором). Например, в июле 1902 г. под руководством губернатора Н. И. Санникова было проведено заседание по вопросу содержания под стражей политических арестантов [3]. После 1905 г. в отделении были сосредоточены документы по образованию сектантских и старообрядческих общин, по регистрации обществ и союзов. Кроме того, среди материалов этого структурного подразделения можно встретить журнальные постановления о незаконных действиях чинов омской городской полиции [4].

В ведении второго отделения находились дела о преступлениях и проступках должностных лиц,

составлялись отчеты о расходах и доходах областных учреждений по ведомству МВД, собирались сведения о ценах на различные товары.

Во врачебном отделении сосредотачивалась переписка о состоянии народного здоровья, о борьбе с эпидемиями, по снабжению медикаментами и пособиями сельских лечебниц и врачебных пунктов. Это отделение вместе с губернатором отвечало за обеспечение населения области квалифицированной медицинской помощью.

В ветеринарном отделении был сосредоточен весь надзор по ветеринарной части, осуществлялось руководство мероприятиями, направленными на предотвращение эпизоотий. Доклад по этим вопросам в общем присутствии был возложен на ветеринарного инспектора.

Дела о продовольственном обеспечении крестьянского населения, об открытии сельских ярмарок, переписка по ревизиям делопроизводства крестьянских начальников и по жалобам на проступки по их службе находились в ведении крестьянского отделения. В отчете акмолинского губернатора А. Н. Неверова за 1910, 1911 гг. отмечалось, что при областном правлении по штатам только один непременный член, который должен не только заведовать канцелярией крестьянского отделения, но и делать доклады, проводить ревизии, что существенно снижало качество работы и формировало у чиновников формальный подход к обязанностям [5]. Для решения проблемы губернатор ходатайствовал об учреждении в области еще двух подобных должностей. В итоге в 1912 г. была введена должность второго непременного члена по крестьянским делам Акмолинского областного правления.

Строительное отделение заведовало казенными зданиями, в нем составлялись и утверждались сметы на ремонтные и строительные работы и прочее. Дела по межевой части находились в ведении межевого отделения во главе с областным землемером.

Все документы после принятия по ним решения, а также в случае отсутствия в них необходимости в ходе текущей работы, сдавались в архив. Там же хранились дела, связанные с деятельностью различных комитетов, комиссий с участием чиновников областного правления. За работу этого структурно подразделения отвечал архивариус.

Помещение областного правления, мебель и все казенные вещи находились в ведении чиновника по исполнительской и счетной части. Он наблюдал за состоянием комнат, отоплением и освещением.

В отделениях Акмолинского областного правления решались важнейшие вопросы, связанные со всеми сторонами жизни края. Это обеспечение продовольствием населения, организация медицинского обслуживания, борьба с эпизоотиями, надзор за работой уездных и полицейских учреждений, обеспечение общего благоустройства и многое другое. Согласно «Степному положению» 1891 г. областное правление пользовалось всеми правами и исполняло обязанности губернского правления, ведало делами по области, для которых не существовало особых учреждений [6, с. 33]. Ежегодно чиновники областного правления рассматривали десятки тысяч бумаг и разрешали тысячи дел. Так, за 1904 г. в отделениях областного правления было рассмотрено 2023 дела, 63370 входящих и исходящих документов. При этом основная нагрузка приходилась на первое и второе отделения, где были сосредоточены важнейшие вопросы управления. Акмолинские губернаторы осуществляли надзор

не только за деятельностью служащих, но и за состоянием делопроизводства в учреждении.

В качестве примера подобных мероприятий можно привести результаты ревизии Акмолинского областного правления, проведенной губернатором М. И. Романовым с декабря 1904 г. по январь 1905 г. По итогам проверки был сделан общий вывод об удовлетворительном состоянии делопроизводства в целом и высказаны замечания, выявленные в деятельности каждого структурного подразделения. Организация работы в областном правлении была четко регламентирована, что в теории должно было способствовать последовательному разрешению различных управленческих вопросов. Но на практике рассмотрение многих документов могло затянуться на месяцы и даже годы. Например, в ходе ревизии было установлено, что во втором отделении Акмолинского областного правления имелись дела, заведенные еще в 1893 г., но решения по ним так и не были вынесены. Кроме этого, в бухгалтерских книгах встречалось много исправлений, записи не всегда велись в хронологическом порядке, что создавало трудности при подготовке справок и других документов.

Не обошлось без замечаний при проверке делопроизводства строительного и врачебного отделений, наиболее распространенными были следующие: отсутствуют описи, не подшиты бумаги, нет отметок об окончании дел. Так, о состоянии делопроизводства врачебного отделения Акмолинского областного правления был сделан следующий вывод: «Дела с 1903 г. только стоят аккуратно сложенными в обложки, но что в обложках — лучше не трогать». Документы за 1904 г. имели «более приличный вид», но по-прежнему имелось много неисполненных бумаг [7, с. 1].

В то же время в отношении первого, а также ветеринарного, межевого, крестьянского отделений был сделан вывод об удовлетворительном состоянии делопроизводства. Но губернатор советовал служащим в дальнейшем так организовать работу, чтобы «журналы и бумаги составлялись более сжато, что сократит и труд, и время» [7, с. 1]. По окончании ревизии М. И. Романов высказал пожелания по поводу повышения эффективности работы учреждения и рекомендовал внести изменения в предметы ведения некоторых отделений областного правления: «в видах правильного распределения работы предлагаю розыски передать в первое отделение, а о справочных ценах на материалы во второе отделение, дела по выборам и утверждению управителей, брачные и разные жалобы киргиз из первого отделения передать в крестьянское» [7 с. 2]. Таким образом, в ходе подобных ревизий не только выявлялись злоупотребления и недостатки в работе отделений областного правления, но и предпринимались попытки по совершенствованию работы учреждения.

Часто работа «специальных» отделений — строительного, ветеринарного, врачебного осложнялась отсутствием лиц, имеющих необходимое образование. В Акмолинской области существовала серьезная нехватка врачей и фельдшеров, а также специалистов технического профиля.

Степные генерал-губернаторы и акмолинские губернаторы неоднократно обращали внимание на необходимость расширения штатов главного областного учреждения и более тщательного отбора чиновников. Так, губернатор В. С. Лосевский указывал на неудовлетворительный кадровый состав

Акмолинского областного правления, отмечая, что некоторые чиновники «не проявляют в своей служебной деятельности работоспособности, знания дела и умения руководить» [8]. Степной генерал-губернатор Е. О. Шмит во всеподданнейшем докладе за 1909 г. обращал внимание на недостаточность штатов большинства местных учреждений, в том числе и областного правления. Он указывал, что в связи с политикой переселения численность населения имела тенденцию к росту, а это, в свою очередь, увеличивало нагрузку на управленческий аппарат [9, с. 21, 22]. В отчете за 1912 г. Е. О. Шмит вновь акцентировал внимание на состоянии Акмолинского областного правления, отмечая, что темп его работы «едва успевает за быстрым ходом развивающейся в крае жизни» [10, с. 17]. Таким образом, для оптимизации деятельности учреждения местные администраторы просили центральные власти увеличить жалованье чиновников, расширить существующие штаты, с учетом изменений, произошедших в крае с конца XIX в. Но подобный подход даже при условии реализации мог только незначительно решить существующие проблемы.

В целом, изменения в структуре и компетенции Акмолинского областного правления в начале XX в. были минимальны и сводились к перераспределению функций между отдельными отделениями и введению новых членов в состав общих присутствий. Деятельность областного правления усложнялась по мере роста населения, одной из причин которого была политика переселения крестьян в Сибирь и Степной край. В этих условиях необходим был более радикальный пересмотр существующей управленческой модели с целью предоставления местной власти более широких полномочий для принятия самостоятельных решений по вопросам регионального значения. В случае введения земских учреждений появилась бы возможность освободить

областное правление от целого ряда хозяйственных проблем. Но в рассматриваемый период решение этих вопросов зашло в тупик и так и не было реализовано.

Библиографический список

1. Палин А. В. Томское губернское управление (1895–1917 гг.): структура, компетенция, администрация. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2004. 187 с. ISBN 5-202-00639-X.
2. Любичанковский С. В. Губернская администрация и проблема кризиса власти в позднимперской России (на материалах Урала, 1892–1914 гг.). Самара; Оренбург: ИПК ГОУ ОГУ, 2007. 750 с.
3. Исторический архив Омской области (далее — ГИА-ОО). Ф. 190. Оп. 1. Д. 34. Л. 66.
4. ГИАОО. Ф. 33. Оп. 1. Д. 93. Л. 81–139.
5. Российский государственный исторический архив (далее — РГИА). Ф. 1284. Оп. 194. Д. 115. Л. 78.
6. Степное положение 25 марта 1891 г. СПб.: Типография МВД, 1891. 208 с.
7. Приказ военного губернатора Акмолинской области. Омск, 1905. 50 с.
8. РГИА. Ф. 1284. Оп. 194. Д. 22. Л. 3.
9. Всеподданнейший доклад Степного генерал-губернатора генерала от кавалерии Шмита о состоянии и нуждах колонизационного дела в Степном крае за 1909 г. Омск, 1910. 24 с.
10. Всеподданнейший отчет Степного генерал-губернатора генерала от кавалерии Шмита о состоянии и нуждах Степного края за 1912 г. Омск, 1913. 24 с.

ГЕРМИЗЕЕВА Виктория Викторовна, кандидат исторических наук, доцент (Россия), доцент кафедры «Отечественная история».
Адрес для переписки: vika-germ@mail.ru

Статья поступила в редакцию 16.06.2017 г.

© В. В. Гермизеева

Книжная полка

Мунчаев, Ш. М. История Советского государства / Ш. М. Мунчаев, В. М. Устинов. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Норма, 2017. – 720 с. – ISBN 978-5-468-00149-3.

В начале 90-х гг. XX в. советское многонациональное государство, просуществовавшее более 70 лет и, бесспорно, оказавшее огромное влияние на ход мировой истории, сошло с международной политической арены. В результате образовался ряд новых государств, изменивших геополитическую карту мира. Один из важнейших вопросов современной истории: почему столь неожиданно распался СССР? Для того чтобы обоснованно ответить на этот вопрос, следует знать не только современную историю России, но и ее прошлое, и прежде всего историю СССР.

Для студентов, аспирантов и преподавателей вузов, а также для читателей, интересующихся отечественной историей.

Федоров, В. А. История России 1861–1917 гг. (с картами) : учеб. / В. А. Федоров. – 5-е изд., исправ. – М. : Юрайт, 2017. – 373 с. – ISBN 978-5-9916-8431-6.

Книга является продолжением учебников под редакцией Н. И. Павленко «История России с древнейших времен до конца XVII века» и «История России 1700–1861 гг.» и охватывает период с отмены крепостного права до Февральской революции 1917 г. Подробно освещаются проблемы социально-экономического развития страны, внутренняя и внешняя политика, освободительное движение. Отдельные главы посвящены истории культуры и Русской Православной церкви. Издание снабжено историко-географическими картами. Соответствует актуальным требованиям Федерального государственного образовательного стандарта высшего образования.

Для студентов, преподавателей и всех, кто интересуется историей России.

АРХИТЕКТУРНАЯ ДЕКОРАЦИЯ ДЕРЕВЯННЫХ И КАМЕННЫХ ЗДАНИЙ В ГОРОДАХ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В КОНЦЕ XIX—НАЧАЛЕ XX ВЕКА. МОТИВ «СИБИРСКИХ ШИШЕК»

В статье рассматривается один из характерных мотивов региональной архитектурной декорации — «сибирские шишки», который встречается в деревянном и каменном зодчестве западносибирских городов в конце XIX—начале XX века. Авторы рассматривают вопросы происхождения и различные варианты этого мотива с целью конкретизировать черты сходства и различия в художественной культуре локальных исторических центров Западной Сибири.

Ключевые слова: архитектурная декорация, «сибирские шишки», западносибирские города, художественная культура, локальные центры.

Конец XIX—начало XX века является периодом расцвета домовой резьбы в западносибирских городах, ознаменованным необычайным богатством декоративных мотивов, чему способствует свободное творчество народных и профессиональных мастеров, не связанное государственной регламентацией [1, с. 307]. В них отразились традиции народного искусства, влияния «большой» архитектуры, обращения к стилевым системам прошедших исторических периодов, а также элементы орнамента народов, соседствующих с русским населением на территориях Западной Сибири.

В резном убранстве деревянной архитектуры указанного времени господствует метод эклектики, которым уверенно владеют народные мастера. Мотивы орнамента разных эпох и стилей гармонично объединяются в разнообразные декоративные композиции, нередко сложные и насыщенные символическими элементами. Наряду с древними универсальными знаками здесь встречаются изображения, свидетельствующие о попытках символизации местных особенностей культурно-исторического пространства Западного Зауралья. Одной из таких особенностей издревле являлось постоянное взаимодействие человека с огромными массивами хвойных лесов, окружавшими места его обитания и дававшими ему практически все необходимое для жизни [2, с. 12]. В крупных городах XIX—XX вв. связь с природой постепенно ослабевала — тем привлекательнее были напоминаящие о ней декоративные мотивы.

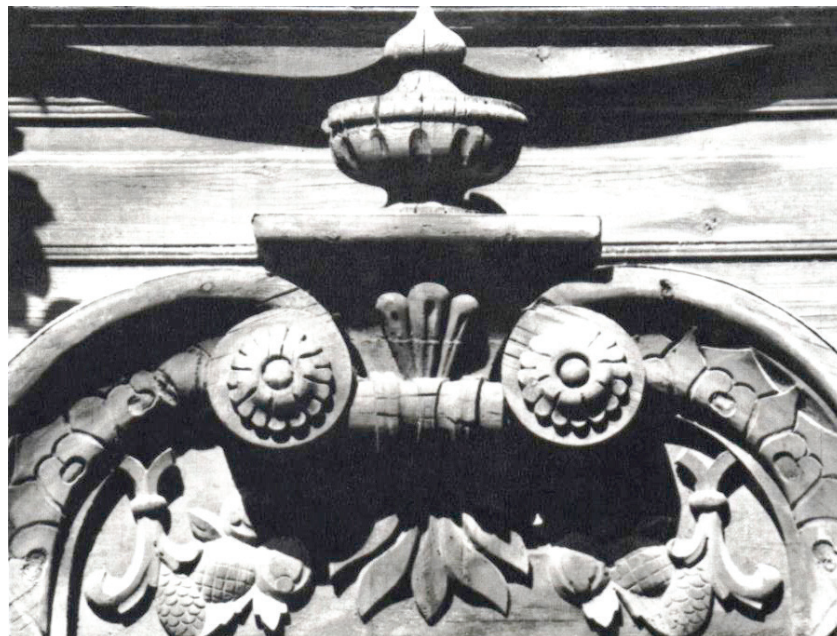
Одним из них являются «сибирские шишки». Н. Х. Шайхтдинова, в течение долгого времени изучавшая домовую резьбу Тюмени, указывает на его сибирское происхождение [3, с. 77–78]. В декоративном оформлении тюменских деревянных домов прежде всего выделяются элементы архитектурных украшений стиля барокко — их распространению в Сибири способствовало появление в го-

родских храмах иконостасов, украшенных богатой рельефной резьбой, в которой присутствовали украинские черты [4, с. 19, 25]. В диапазоне растительных мотивов такой «барочной» резьбы фигурируют южные «персонажи» (например, виноградная лоза), но шишек практически нет — северный, сибирский декоративный элемент орнамента привнесен местными мастерами. В этом легко убедиться: шишки хвойных деревьев узнаются в любых интерпретациях, поскольку главную особенность их облика составляет характерная чешуйчатая поверхность. Эта особенность обусловила и предпочтительное изображение «шишек» в технике накладного рельефа, где их выпуклая поверхность, дополненная углубленными линиями, прочерченными резцом треугольного профиля, выглядит особенно эффектно.

Рельефная резьба, наиболее распространенная в Тюмени и Тобольске, благодаря активным торговым и художественным контактам между городами была активно воспринята томскими и новониколаевскими мастерами.

В Тюмени зафиксированы самые примечательные по рисунку и пластическому воплощению варианты изображения «сибирских шишек» на наличниках окон в окружении цветов, листьев аканта, розеток и других деталей [3, с. 102, 103]. Тем не менее шишки достаточно выразительны по форме и хорошо выделяются на этом сложном фоне; можно даже различить, что одна из них сосновая, покрытая чешуйками, другая кедровая с несколько иным, сетчатым рисунком поверхности (рис. 1а, б, в).

В данном случае неизвестный резчик постарался изобразить шишки достоверно, «как настоящие» (сравнивая резное изображение с фотографиями натуральных шишек, следует отметить, что мастеру это удалось). Однако существуют и другие, более условные решения, например, на широкой подоконной доске, где собственно «шишки» нет,

а

б

в

г

Рис. 1. Мотив «сибирской шишки» в домовой резьбе Тюмени:
а, б — изображение на очелье наличника (по Н.Х. Шайхтдиновой);
в, г — сосновые и кедровые шишки в природе

но в центре композиции размещается ограниченный двумя встречными дугами участок, заполненный косоугольной сеткой [3, с. 55] и ассоциативно отсылающий к первоисточнику (рис. 2а).

Интересен вариант, где «шишка» включена в декор массивного кронштейна [3, с. 75], поддерживающего навес над входом (рис. 2б). Здесь она, наподобие огромного бутона, вырастает из листьев аканта. Но даже в такой эклектической разновидности покрытая пирамидальными выступами поверхность указывает, какой мотив послужил прообразом этого своеобразного «гибрида».

В сохранившихся натуральных материалах тобольской домовой резьбы, несмотря на близкое соседство Тюмени, мотив «сибирских шишек» не отмечен. Возможно, причиной этого является почти полная утрата особняков и доходных домов, украшенных рельефной резьбой, где распространен этот элемент декора.

В Томске декоративные композиции, включающие изображения «шишек», как правило, сложны,

динамичны и отличаются присущим домовой резьбе этого города изяществом. Они украшают очелья наличников, подоконные доски и вертикальные накладки на конструктивных швах стены (рис. 3а, б, в).

Томские «шишки» обычно включаются в переплетения условно трактованных стеблей с листьями и завершают рисунок «побегов». Они могут иметь близкое или отдаленное сходство с природным аналогом, но в любом случае узнаваемы и придают оригинальность традиционным растительным мотивам. В Томске существует и уникальный вариант очелья, в декоре которого присутствует пейзаж: изображенные леса на берегу реки [5, с. 114]. Конкретизируя и подчеркивая характер местности, мастер-резчик уделит большое внимание достоверности облика хвойных деревьев и фланкировал наличник двумя крупными «шишками», убедительно закончившими символический образ сибирского ландшафта (рис. 3г).

Новониколаевск (с 1926 года Новосибирск) [6, с. 77], самый «молодой» из исторических западно-

а

б

Рис. 2. Мотив «сибирской шишки» в домовой резьбе Тюмени: (по Н.Х. Шайхудиновой):
а — подоконная доска; б — кронштейн навеса над входом

а

б

в

г

Рис. 3. Мотив «сибирской шишки» в домовой резьбе Томска:
а, б — украшения наличника; в — рельеф на доске
угловой обшивки; г — наличник с «сибирским пейзажем».
Фото Л. Чуйко, 2014 г.

а

б

Рис. 4. Мотив «сибирской шишки» в домовой резьбе Новониколаевска (по С. Н. Баландину): а — украшение очелья наличника; б — растительный мотив на подоконной доске

Рис. 5. Омск, ул. Ленина, 36. Здание бывшей частной гимназии М.В. Каёш. 1916 г. Фото Т. Садуовой. 2009 г.

сибирских центров, получил статус города в 1903 году, когда торгово-экономические и культурные коммуникации региона находились в состоянии активного роста благодаря Транссибирской железнодорожной магистрали. Новониколаевск был местом интенсивного обмена информацией, в том числе художественной, значительной частью которой являлись существующие в регионе локальные традиции домовой резьбы. Резной декор бурно развивающегося города как бы подытожил весь опыт народных мастеров, сложившийся к началу XX века — от техники исполнения резьбы до мотивов и элементов орнамента.

Образцы тюменского и томского резного декора нашли здесь широкое применение, в том числе и «сибирские шишки» (рис. 4). Однако в Новониколаевске появились собственные варианты декоративных композиций, включающих это изображение [6, вставка между с. 64 и 65, рис. 36, 43]. Так, на наличнике с традиционным мотивом «вазона с растением» «шишки» не только завершают растительные побеги, но и становятся вертикальными акцентами вазонов, размещенных на боковых фрагментах трехчастного очелья (рис. 4а). Кроме того, можно заметить, что иногда и сами растительные элементы приобретают не совсем типичные для них пирами-

дальные очертания, напоминающие форму шишки (рис. 4б).

Приведенные примеры подтверждают одну из примечательных особенностей русского народного творчества: обращаясь к единому источнику, мастера-резчики воплощают эту тему во множестве вариаций, различных по трактовке, но равных по художественному уровню — очень высокому, о чем свидетельствует сказанное выше. Современные исследователи отмечали не только влияние «большой» архитектуры на народную, но и отклик профессиональных зодчих на народные традиции [7, с. 154].

Если мотив «сибирской шишки» неоднократно встречается в деревянном резном декоре целого ряда западносибирских городов, то в деревянной архитектуре городов Омского региона он практически отсутствует. Если допустить вероятность утраты деревянных домов или подобного декора с фасадов зданий, то можно полагать, что этот мотив выполнялся довольно редко (на сегодняшний день омскими исследователями пока не выявлен).

В данном случае необычным становится факт появления мотива «шишки», возможно, сибирской, в омском каменном здании периода неоклассицизма. Это трехэтажный дом, выстроенный на Ата-

Рис. 6. Омск. Здание бывшей частной гимназии М.В. Каёш. Барельеф фасада с мотивом «сибирской шишки». 1916 г. Фото Т. Садуовой. 2009 г.

Рис. 7. Омск, ул. 10 лет Октября, 48. Жилой дом с книжным магазином. 1950-е. Фото А. Гуменюк. 2017 г.

манской улице, где размещалась частная гимназия М. В. Каёш, (современная ул. Ленина, 36) (рис. 5). Учебное заведение было основано в 1914 году, и эту дату некоторые источники указывают как год строительства рассматриваемого здания [8]. Однако владелица гимназии Мария Каёш с 1914 по 1916 год арендовала дом на улице Станичной, 10, и только после возведения здания на близлежащей Атаманской улице переехала в новые помещения. С точки зрения объемно-планировочного решения, здание могло функционировать как торговое заведение, — об этом говорят большие окна-витрины первого этажа, изначально выполненные по проекту и позднее за ненадобностью заложенные. Существует также ошибочное мнение, что здание было возведено в два этажа и надстроено еще одним в 1930-годы. Тем не менее брандмауэр трехэтажного объема со всей очевидностью демонстрирует единство кладки стеновой поверхности, уже не говоря о целостности стилевого и художественно-образного решения главного фасада. Отметим, что фасад выполнен с явным западноевропейским оттенком. Именно обработка стен штукатуркой серого цвета с имитацией каменной кладки, традиционной для

архитектуры европейских стран, придают зданию характерный облик [9, 10]. Интересным видится решение центра композиции главного фасада. Он акцентирован одной — на два верхних этажа — большой пилястрой ионического ордера, со скульптурно выполненной капителью в четыре завитка. Ренессансные арки, пластически выявленные в боковых ризалитах, подчеркивают их симметричность и подчиненность центральной оси. Рельефные картуши, заполняющие межоконное пространство и ритмически чередующиеся с пилястрами, ассоциируются с гербами древних родов и воспринимаются как отзвуки раннего неоромантического модерна [11]. При всей «западной» окраске фасадной ткани в образной характеристике особняка отмечается интересная, возможно, «сибирская» деталь, которая «укрывается» в рельефной пластике подоконного пространства оконных проемов верхнего этажа. В орнаменте рельефа сочетаются несколько мотивов: изображение большого бутона мака в чаше акантовых листьев, побеги аканта, завершающиеся цветочными розетками и, что удивительно, в их центре — «шишками» — одним из символов богатства края (рис. 6).

а

б

Рис. 8. Омск, ул. 10 лет Октября, 48. 1950-е. Мотив «сибирской шишки» в барельефах жилого дома (консоль и рельеф под эркером): а — общий вид; б — «шишка» на завитке консоли.
Фото А. Гуменюк. 2017 г.

Трудно со всей определенностью сказать, откуда приходит этот мотив в архитектурный декор омского каменного особняка:

- из словаря древнего ассирийского орнамента в русле интереса к историческим эпохам;
- из арсенала столичного «северного модерна», хотя и нехарактерного для этого региона;
- как понравившийся мотив из декоративного оформления деревянной архитектуры соседствующих сибирских городов;
- как воплощение «в малом» давней мечты о создании «сибирского стиля», вытекающей из некогда большой идеи о новой сибирской нации, самоопределения Сибири и, таким образом, собственно сибирского искусства со своими символами и образами.

Невозможно со всей определенностью остановиться на одной из версий, так как имя автора проекта неизвестно и потому нельзя связать какой-либо вариант с биографией архитектора. Но то, что нехарактерный даже для деревянной архитектуры Омска мотив получил свое воплощение в каменном строении, дает повод обратить внимание на этот факт и продолжить исследование. Тем более что мотив «сибирской шишки» вновь появился в Омске в более поздний период. Он отмечен в декоре каменного жилого дома по улице 10 лет Октября, 48, где многие годы на первом этаже размещается книжный магазин (рис. 7). По своим размерам эти «шишки» невелики и неприметно влетают в малые волюты классицизирующего барельефа под эркерами, в декор их консолей и в капители пилястр третьего этажа (рис. 8). Напротив, монументальные «шишки-вазоны» водружены на балконные тумбы третьего этажа жилого дома по ул. Богдана Хмельницкого (рис. 9). Выполненные в эпоху «сталинского ампира», оба пластических решения вновь указывают на оживший интерес к местной «сибирской теме».

В заключение следует отметить, что в период нарастающей урбанизации и, порой, неизбежных утрат художественного наследия, представленные материалы позволяют дополнить и углубить локальные исследования в области региональной архи-

Рис. 9. Омск, ул. Б. Хмельницкого. Фрагмент фасада жилого дома. «Шишки-вазоны» на парапетах балкона. Нач. 1950-х.
Информация и фото предоставлены Ж. М. Хахаевой

тектуры. Проводимые в русле широкого изучения архитектурного декора западносибирских городов на рубеже XIX — XX веков, они позволяют зафиксировать еще сохранившиеся элементы деревянного орнаментального искусства, выявить народные мотивы в декоративном решении каменных строений, намечить вопросы для дальнейшего изучения региональных особенностей в культуре провинции.

Библиографический список

1. Кириченко Е. И. Русское купечество и русский стиль // Искусствознание. 1994. № 2/3. С. 296–311.
2. Соболев Н. Н. Русская народная резьба по дереву. М.: Сварог и К, 2000. 480 с. ISBN 5-93070-030-3.
3. Шайхтдинова Н. Х. Деревянная резьба Тюмени. Свердловск: Средне-Уральское кн. изд-во, 1988. 160 с.
4. Зольникова Н. Д. Традиции православия в Сибири. Конец XVI–XIX вв. // Сибирская икона / редкол.: В. И. Байдин [и др.]. Омск: Иртыш-92, 1999. С. 9–36.
5. Деревянная архитектура Томска: альбом. Томск: Издат. дом «Д-Принт», 2010. 364 с. ISBN 978-5-902514-39-8.
6. Баландин С. Н. Новосибирск. История градостроительства. 1893–1945 гг. Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1978. 136 с.
7. Кириченко Е. И. Русская деревянная застройка как социально-исторический феномен // Типология русского реализма второй половины XIX века. М.: Наука, 1979. С. 128–157.
8. Историческая справка. URL: <http://omsk-web.ru/gimnaziya-m-v-kaesh> (дата обращения: 25.04.2017).

9. Борисова Е. А., Стернин Г. Ю. Русский неоклассицизм: альбом. М.: Галарт, 2002. 288 с. ISBN 5-269-00898-X.

10. Ревзин Г. И. Неоклассицизм в русской архитектуре начала XX века. Архив архитектуры. М., 1992. Вып. 2. 167 с.

11. Гуменюк А. Н. Неоклассицизм в архитектуре Омска 1910-х годов: моногр. Омск: Изд-во ОмГТУ, 2009. С. 40.

ГУМЕНЮК Алла Николаевна, кандидат искусствоведения, доцент (Россия), профессор кафедры «Дизайн и технологии медиаиндустрии» и кафедры «Дизайн, рисунок и живопись» Института дизайна и технологий (ИДиТ).

Адрес для переписки: gumenyuk-alla@mail.ru

ЧУЙКО Лариса Владимировна, кандидат искусствоведения, доцент (Россия), доцент кафедры «Дизайн, рисунок и живопись» ИДиТ.

Адрес для переписки: chuiko_lar@mail.ru

Статья поступила в редакцию 22.05.2017 г.

© А. Н. Гуменюк, Л. В. Чуйко

УДК 94(47).084.3+94(571)

М. Т. КОГУТ

Омский государственный
технический университет,
г. Омск

АГРАРНАЯ ПРОГРАММА ВРЕМЕННОГО СИБИРСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

В статье рассматривается аграрное законодательство и земельные органы власти Временного Сибирского правительства, возможные последствия аграрной политики для развития сельского хозяйства, земельных отношений, расстановки классовых сил в Сибири в период Гражданской войны, даются новые оценки решения аграрного вопроса в стране.

Ключевые слова: история СССР, 2-я пол. 1918–1920 гг.; аграрные реформы; землевладение, Гражданская война и иностранная военная интервенция; белое движение; белые правительства; Сибирь; территория РФ, занимающая часть Северной Азии.

После февраля 1917 г. в Сибири между политическими партиями шла упорная борьба за власть. Эта тема никогда не теряла актуальности, но усилилась в связи со столетним юбилеем Великого Октября. Необходимо рассмотреть вопрос о том, почему аграрные программы и мероприятия белого движения в Сибири потерпели крах, что во многом и предвосхитило победу Советской власти в Гражданской войне.

Изучение проблемы осуществляется на сочетании традиционного макроисторического анализа и микроисторических подходов изучения конкретных мероприятий в короткий промежуток времени, с использованием методов ретроспективного анализа и герменевтики.

Основными историческими источниками стали опубликованные документы Временного Сибирского правительства [1] и материалы бюджетного учреждения Омской области «Исторический архив Омской области» [2].

После мятежа белочехов в мае 1918 г. и свержения власти большевиков, в том числе, произошло формирование Временного Сибирского правительства, которое объявило себя властью с 29 июня 1918 г. Местом для его деятельности был избран Омск. ВСП возглавил Петр Владимирович Вологодский. Министром земледелия и колонизации стал Николай Иннокентьевич Петров [3, с. 136].

Невзирая на короткий промежуток власти, ВСП успешно провозгласило аграрные преобразования в крае.

Аграрные мероприятия являлись частью общей политики государственной власти на территории всей России. Аграрная программа правительства П. В. Вологодского оказалась в русле предложений кадетской партией консервативного реформирования земледелия.

Первым мероприятием ВСП стало восстановление прав собственности всех владельцев таковой на территории края [1]. Главной целью правитель-

ства была остановка земельных захватов. В знаменитом программном Постановлении Временного Сибирского правительства от 6 июля 1918 г. объявлялось «о признании всех декретов, изданных Советом народных комиссаров, недействительными, все имения, принадлежащие как отдельным лицам, так и равно и товариществам, обществам и учреждениям, лежащие на землях арендованных и собственных, возвращаются их владельцам со всем инвентарем живым и мертвым, принадлежавшим хозяйствам» [1]. Но, стоит заметить, что, как и в кадетских программных заявлениях, ВСП окончательное решение земельного вопроса относилось к Всероссийскому Учредительному собранию.

В. В. Рынков считает, что слово «имение» не должно смущать исследователей, привыкших понимать под ним крупную земельную собственность, т. е. поместье или латифундию [4, с. 112]. В данном случае законодатели явно подразумевали любую земельную собственность. Но вопрос не только в интерпретации термина. Анализируемый законодательный акт имел в виду всех собственников, арендаторов и пользователей земли, пострадавших от земельных захватов. На наш взгляд, всех, кроме крестьян! Если они не являлись крупными арендаторами.

Чтобы понять специфику анализируемого законодательного акта, необходимо вернуться к событиям предшествующего года. В 1917 г. Временное правительство объявило лишь о временном сохранении владельческих прав на землю за прежними собственниками и арендаторами. Консервативные и социалистические политики времен революции, считая необходимым передачу всех «нетрудовых» земель в руки крестьянства, призывали сельских жителей воздержаться от земельных переделов до Учредительного собрания. В этом отношении Временное сибирское правительство не отличалось от своего предшественника, с прежним упорством провозглашая тезис о приостановке решения основных вопросов будущего государственного и экономического устройства.

Важно подчеркнуть, что для предпринимателей Сибири были предусмотрены оградительные меры: если Министерством Земледелия и Колонизации их хозяйства «будут признаны культурными», правительство гарантировало собственникам сохранить их владения в целях прогрессивного развития сельского хозяйства.

Мы видим из постановления, что либерально-консервативные законодатели кадетского толка отдавали дань революционному настроению масс. Это ощущалось в предположении установить контроль над хозяйствами землевладельцев-предпринимателей «со стороны уездных и Губернских (областных) Земств».

В отношении крупных земельных собственников тоже имелись опасения. Обращает на себя внимание то, что постановление предусматривало возможность передачи земствам контроля над имениями как меру, направленную на охрану имений от погромных действий не «захватчиков», а именно владельцев [4, с. 113]. Под такими действиями понималась порча и распродажа владельцами инвентаря. В этом случае земства могли даже изъять имение у владельца. Вся процедура возвращения земельных участков прежним владельцам возлагалась на земства.

Законодатели боялись, что в условиях Гражданской войны собственники-аграрии во имя сиюми-

нутного обогащения могут причинить вред инфраструктуре хозяйств, которые могут утратить леса, воды, покосы, инвентарь и т. п. Это приведет к их обесцениванию в дальнейшем и явно не будет способствовать развитию крупного «культурного хозяйства» и в Сибири, насадить которое так мечтали царь и его чиновники еще в дореволюционную эпоху.

Последний пункт постановления, как и вся программа, явно писался в дореволюционную эпоху, совсем не соответствовал стихии крестьянского движения восемнадцатого года двадцатого столетия. П. В. Вологодский требовал, чтобы земства (которые даже в ходе революционного переустройства в Сибири далеко не везде существовали) защитили интересы «тех лиц и учреждений, кои в районе пользовались имением или его частью и произвели там затраты, подлежащие по закону возврату». Безусловно, в Сибири почти не было крупных земельных собственников-предпринимателей, безусловно, вследствие своей ментальности, сибирские крестьяне всегда сохраняли землю за тем, кто «ее добрил», но речь шла об «учреждениях», а это и есть самый главный земельный собственник в Сибири — государство, казна. Ведь это был завуалированный выкуп земли. Напомним, что даже поземельное устройство сибирского крестьянства, в отличие от Европейской России, не предусматривало выкупа земли [5]. Крестьяне, опьяненные свободой, познакомившись с Декретом о земле, в условиях голода и разрухи никогда не признали бы такое решение вопроса.

Порядок восстановления нарушенных прав собственников и арендаторов определяла «Инструкция по проведению в жизнь постановления Временного Сибирского правительства от 6 июля 1918 г.» [1]. Правительство создавало «особые комиссии» в губернии, в состав которых должны были войти по одному представителю от земства (он же председатель комиссии), от земельного комитета и от Министерства Земледелия, а также и «сведущие лица», последним предоставлялось лишь право совещательного голоса. Если земельные комитеты не существовали, то в комиссии управлялись представители земств. Правительство предполагало, что крестьяне не будут содержать комиссии, и их должна была содержать казна.

На первое место выдвигалась защита интересов собственников. Землевладелец, арендатор или их уполномоченный должны были подать заявление с указанием названия и местонахождение хозяйства (имения). Слово «имение», что бы ни писали современные авторы, на языке российского аграрного законодателя означало крупное землевладение. Инструкция требовала указать точный размер и состав участка, описать «характер и способ ведения хозяйства до октябрьского переворота». Как всегда государство учитывало возможность владельца и в будущем вести культурное хозяйство, поэтому предприниматель должен был представить проект будущего «направления хозяйственной деятельности». Безусловно, что земельные комиссии не могли верить заявителю на слово, собственники должны были представить доказательства своей собственности.

Понимая, что в условиях земельных захватов, да и возможной куплей-продажей земли, в комиссии могли поступить заявления на восстановление права владения на данный участок и от других лиц, инструкция предписывала передавать дело в суд.

В случае передачи земли владельцу составлялся акт с полным описанием всех угодий. При этом учитывалось, что шел сельскохозяйственный производственный цикл, поэтому при необходимости указывалось, что остается до окончания сельхозпериода в руках действительного пользователя и на каких условиях. Данной процедуры было достаточно, чтобы восстановить владельческие права.

Все участки, засеянные яровыми посевами весны 1918 г., оставались в пользовании нелегальных засевщиков вплоть до окончания сбора урожая. При этом законный владелец получал право на возмещение всех расходов, понесенных на расчистку почвы и ее удобрение. Поля, распаханые и даже засеянные под озимь, подлежали немедленному возвращению их владельцам, обязанным компенсировать затраты нелегальным засевщикам. Живой и мертвый инвентарь, «приплод от скота, полученный за время пользования последним временным владельцем», должны были возвращаться хозяевам, вместе с амортизационными платежами за его использование. Сено, скошенное на чужом участке, оставалось в собственности захватчика, обязанного, однако, выделить указанную земской комиссией его часть владельцам на прокорм скота, если таковой имелся. Восстановление прав на движимое имущество не входило.

Предусмотренная в постановлении схема возвращения частновладельческих участков носила предельно упрощенный характер. Но используемый ею критерий разграничения участков, подлежащих немедленному возвращению и оставляемых во временном захватном пользовании, был произвольным.

Ю. Г. Лончаков заметил, что в первой печатной редакции инструкций в п. 18, касавшемся восстановления права собственности на лесные материалы, была допущена грубая деформация текста (замена владельца пользователем), делавшая возможным прямо противоположное общему смыслу инструкции толкование данной статьи. Отмеченные недостатки закона наводят на мысль о чисто декларативном характере этого акта. Ставить вопрос о земельных захватах при отсутствии не только действенных средств обеспечения земельного правопорядка, но и ясно выраженного намерения соблюдать начала дореволюционной законности практически было бы совершенно бессмысленно. В пользу высказанного предположения свидетельствует содержание направленной министерством земледелия в Совмин 18 октября 1918 г. записки, объяснявшей изъятие закона спешной необходимостью заявить об учете интересов законных собственников [6, с. 71].

Необходимость принятия закона повелительно диктовалась политической обстановкой того времени; новое предложение необходимо было, с одной стороны, как можно скорее показать населению, что вновь создавшееся правительство пойдет по пути строгой законности и восстановления нарушенных прав, кем бы эти права ни были нарушены, и, с другой стороны, предотвратить продолжение земельной неурядицы и ввести порядок в поземельные отношения, противодействуя земельным захватам.

Для осуществления аграрной политики нужны были органы управления, которые были созданы постановлением Сибирского Совмина «Об учреждениях, ведающих земельными делами в Сибири», утвержденным Временным Сибирским правительством 25 июля 1918 г. [7, с. 120]. По мнению

Ю. Г. Лончакова, главной целью этого акта стало подчинение аппарата сибирских земств задачам официального землеустройства, связанным с восстановлением контрольно-распорядительных функций министерских органов. Не имея возможности сразу отказаться от услуг земельных органов периода буржуазно-демократической революции (земельных комитетов и земств) после номинальной передачи их функций соответствующим бюрократическим структурам, министерство предприняло попытку использовать в своих целях существующий земский аппарат, лишив его черт субъекта земельной собственности. Этому и служило создание системы земельных Советов, объединявших в своем составе министерских чиновников и земских деятелей — на краевом, губернском и областном уровнях.

15 октября 1918 г. был издан новый вариант инструкции к закону об учреждениях, ведающих земельными делами в Сибири [7, с. 121]. Сопоставление двух редакций данного документа рисует картину дальнейшего перераспределения влияния в сфере контроля над земельной собственностью в пользу восстанавливавшихся бюрократических структур.

Хотя приведенный в октябрьской инструкции перечень предметов ведения земских управ не претерпел существенных изменений, ряд важнейших вопросов поземельного устройства, впервые поднятых данным подзаконным актом, перешел к сфере ведения земельных Советов [7, с. 121]. Это должно было ослабить влияние земств на решение аграрного вопроса, свести его только к наблюдению за правильностью использования населением казенной земли [8, с. 125–127].

В задачи уездных советов по земельным делам вошло: разрешение поземельных споров между обществами, утверждение представленных им землеотводными и землеустроительными партиями проектов переселенческих и запасных участков и лесных дач, принятие окончательных решений по устройству старожильского населения и выдача ссуд на домообзаведение. Губернские советы рассматривали дела по жалобам на постановления уездных и принимали решения по ходатайствам земств об обращении лесных участков в сельскохозяйственное пользование. Новой обязанностью этих органов, не предусмотренной июльской редакцией инструкций к закону от 25 июля 1918 г. становилась выдача разрешений на продажу земли в частную собственность [9, с. 60–63].

Одной из главнейших функций этих органов становится посредничество между лесной и переселенческой администрацией и местным населением при заключении договоров на аренду казенных участков, ранее осуществлявшееся самими земствами, самостоятельно возбуждавшими вопрос о переводе захватчиков на аренду и определявшие ее условия.

Все доклады, внесенные на рассмотрение Советов, должны были рассматриваться ими в течение недельного срока со дня подачи. Решения уездных Советов по жалобам на постановления сельских сходов и действия сельской администрации (служившие одним из формальных оснований для земельных захватов) приобретали в октябрьской редакции окончательный характер. Не подлежали обжалованию, согласно с ней, и постановления губернских Советов, касавшиеся выдачи разрешения на аренду казенных участков и отказа в ней.

Рассматриваемое постановление было первой и последней попыткой Омского режима сочетать дореволюционную административную традицию в организации органов земельного управления с новациями революционной поры — учетом землеустроительных принципов сибирских земств, коллегиальностью в работе инстанций, ответственных за поддержание определенного порядка землепользования, элементов демократического контроля над их деятельностью и т. д. Тщательно спланированный вариант мягкой ревизии итогов аграрной революции в крае с помощью Советов по земельным делам быстро потерял свое значение [10, с. 32].

Крестьянство было против этой политики. Исполком трудового крестьянства Омской области на заседании 13 июля 1918 г. принял решение о протесте против постановления 6 июля, считая, что оно противоречило основному закону о земле, принятому 5 января 1918 г. Всероссийским Учредительным собранием, а также декларации Сибирской областной думы конца января 1918 г., согласно которым все земли должны были перейти без выкупа во всенародное достояние [11, с. 17]. Однако ВСП еще не потеряло авторитет. Исполком решил поддерживать его решения, т. к. надеялся, что правительство вскоре поймет свою ошибку и отменит постановление от 6 июля, поскольку оно противоречило интересам большинства населения сибирской крестьянской страны.

Факты недовольства крупных земельных собственников приводит в своем исследовании И. И. Кротт [11, с. 17–18].

На их стороне было право собственности на землю, потерянное в революции 1917 г., на стороне крестьян, новых землепользователей было право земельного захвата, равного революционному захвату власти. Они стремились захватить побольше земли до того-самого обещанного им Учредительного собрания, в надежде узаконить их. Крестьян не устраивал сам принцип возврата земельных участков прежним владельцам. Вводимое вознаграждение прежних собственников не просто не останавливало их перед дальнейшими захватами, за которые последует наказание в виде возврата владельцам части урожая и т. п. возмещения затрат, а, напротив, показывал крестьянам (а Сибирь — это крестьянская страна), что решение земельного вопроса новым правительством будет не в их пользу. Такая аграрная программа не могла найти поддержки в сибирском регионе.

В. В. Рынков, И. И. Кротт считают, что ВСП не смогло сделать твердый выбор между крупными собственниками и трудовым крестьянством. Как раз наоборот, выбор был сделан документом 6 июля 1918 г. в сторону крупной земельной собственности. По мнению консервативных партий земли у крестьян было достаточно, необходим подъем их агро-технической грамотности и капитал.

Остановить перманентную революционную напряженность правительство П. В. Вологодского не могло. Хотя первые шаги к восстановлению дооктябрьских порядков им удалось сделать: объявить о восстановлении земельных прав прежних землевладельцев, незаконности земельных захватов и наказании за них, начать создание новых земельных

органов на местах — Советов по земельным делам — бюрократических структур. Но осуществить эту программу в условиях крестьянской войны за землю не могло гражданское правительство переходного периода, а крестьянство — принять аграрные порядки белых правительств.

Библиографический список

1. Временное Сибирское правительство, 26 мая–3 ноября 1918 г.: сб. док. и материалов / Сост., науч. ред. В. И. Шишкин. Новосибирск: Издат. дом «Сова», 2007. 816 с. ISBN 978-5-87550-073-2.
2. Исторический архив Омской области. Ф. 78. Оп. 1. Д. 23 (в); 24 (г); Ф. Р-1111. Оп. 1. Д. 29–32 и др.
3. Тимонин Е. И., Порхунев Г. А. Борьба за власть: революция и контрреволюция в Сибири (1917–1922): моногр. Омск: Омск. эконом. ин-т, 2007. 308 с. ISBN 978-5-94502-143-3.
4. Рынков В. М. Между Сциллой и Хариддой: аграрное законодательство антибольшевистских правительств на востоке России (лето 1918–1919 гг.) // Актуальные проблемы социально-политической истории Сибири (XVII – XX вв.): Бахрушинские чтения 1998 г.: межвуз. сб. науч. тр. Новосибирск, 2001. С. 99–137.
5. Когут М. Т. К вопросу о землевладении сибирского крестьянства в аграрной политике Российского правительства во второй половине XIX в. / под ред. О. А. Лиходей // Россия и мир. Гуманитарные проблемы: межвузов. сб. науч. тр. СПб.: ГУМРФ им. адмирала С. О. Макарова, 2013. Вып. 19. С. 107–116. ISBN 978-5-88789-381-5.
6. Лончаков Ю. Г. Аграрная политика временных государственных образований на территории Сибири в 1918–1919 гг. // История белой Сибири: тез. науч. конф. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1995. С. 71–73.
7. Лончаков Ю. Г. Законодательство о земельных советах белой Сибири // История белой Сибири: тез. Третьей науч. конф., 3 февр. 1999 г. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1999. С. 120–121.
8. Мальцева Т. В. Сибирское земство и колчаковщина (1918–1919 гг.) // Вопросы социалистического строительства в Сибири (1917–1929): сб. ст. / редкол.: И. М. Разгон (отв. ред.) [и др.]. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1983. С. 125–127.
9. Авдошкина О. В. Формирование антибольшевистских правительств в Сибири и на Дальнем Востоке // История белой Сибири: тез. науч. конф. 4–5 февр. 2003 г. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2003. С. 60–63.
10. Яковлева Н. А. Земское самоуправление в системе государственной власти Временного Сибирского правительства // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири. Четвертые Бородавкинские чтения. Барнаул: Алтайский гос. ун-т, 2003. С. 32–39.
11. Кротт И. И. Аграрная политика антибольшевистских правительств на востоке России и восстановление юридических прав собственников земли (май – ноябрь 1918 г.) // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2011. № 5 (101). С. 15–19.

КОГУТ Марина Тарасовна, кандидат исторических наук, доцент (Россия), доцент кафедры «Отечественная история».

Адрес для переписки: kogutmarina@mail.ru

Статья поступила в редакцию 16.06.2017 г.

© М. Т. Когут

ЛИЧНОЕ ДЕЛО ЛИЦА, ЛИШЕННОГО ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ ПРАВ, КАК ИНФОРМАЦИОННЫЙ КОМПЛЕКС В ПРАКТИЧЕСКОЙ ГЕНЕАЛОГИИ (НА ПРИМЕРЕ СУДЬБЫ КАДРОВОГО ОФИЦЕРА РУССКОЙ ИМПЕРАТОРСКОЙ АРМИИ М. К. ГОМБИНСКОГО)

Работа представляет собой историко-биографическое исследование, раскрывающее на примере отдельно взятого человека — Михаила Константиновича Гомбинского — неоднозначное положение бывшего офицерства в советской России на рубеже 1920-х—1930 гг. Пример судьбы героя статьи позволяет оценить источниковый потенциал документов, связанных с лишением советских граждан избирательных прав. Автор приходит к выводу о ценности этого типа документов при изучении общественно-политической жизни середины 1920-х—первой половины 1930-х гг., истории повседневности, а также для исторической биографии и практической генеалогии.

Ключевые слова: офицерство, репрессии, сталинизм, избирательное право, лишенцы, генеалогия, Омск.

Во время существования советского строя для государства и общества сохранялась проблема «бывших людей», особая актуальность которой отмечалась в 1920-е—1950-е гг. Истоки данного политического явления берут свое начало еще от периода Гражданской войны. Тогда, с появлением в стране нового формата власти по классовому принципу, были выделены чуждые или в разной степени опасные для советского строя члены бывшего дореволюционного общества [1]. Изначально в эту категорию уже в первые годы советской власти попали представители дворянства, купечества, чиновничества, офицерства, правоохранительных органов и судебной системы, религиозные служители. И позднее список этот пополнялся.

Предоставляя «бывшим людям» право жительства в постреволюционной России, новая власть стремилась оградить влияние (реальное или потенциальное) таковых граждан на советский государственный аппарат и общество. В качестве подобной упредительной меры в 1920-х—1930-х гг. использовалось лишение «вредных элементов» избирательных прав (согласно установленному в то время конституционному порядку). Фактически данного рода ограничения в правах касались не только права избирать и быть избранным. Лишенцы имели ряд ограничений: они не могли получать высшее образование, часто лишались права проживать в Москве и Ленинграде, а также вернуться в то место, где они были ранее арестованы. Последняя мера должна была предотвратить образование антисоветских групп, партий, организаций и т.п. Лишенцы не могли занимать ответственные должности. Они

не имели право получать пенсию и пособие по безработице. Им не позволялось вступать в профсоюзы, что не допускало их в руководство предприятий и организаций. Кроме того, лишенцы были ограничены по ряду других аспектов (даже сугубо бытовых).

Процедура лишения избирательных прав оставила после себя содержательное документальное наследие — протоколы заседаний органов власти, различные материалы делопроизводства, ходатайства, автобиографии и различные справки лишенцев. В случае если лишенец обращался с просьбой восстановить ему утраченные права, то по ходу рассмотрения вопроса формировалось личное дело лица, лишенного избирательных прав. Такие документы отложились повсеместно в региональных архивах нашей страны в фондах городских (районных) исполкомов и избиркомов.

Многие представители бывшего офицерства в советской России в 1920-е—1930-е гг. лишились избирательных прав. Но часть этих людей пыталась вернуть себе статус полноценного советского гражданина. Сказались и политические установки бывших офицеров, оставшихся в СССР. Так, И. В. Варзаков считает, что реальных врагов советской власти из числа бывших белых в СССР к тому времени уже не осталось: наиболее убежденные противники большевиков либо погибли в Гражданской войне, либо эмигрировали. В сознании бывших белых, оставшихся в советской России, относительно мягкая обстановка первой половины 1920-х гг. породила оптимистические иллюзии касательно своей дальнейшей судьбы [2, с. 149].

Р. М. Абинякин указывает, что лишение избирательных прав наиболее остро восприняли те из бывших белых, кто полностью признал советский режим. В 1927 г. прошла кампания по восстановлению избирательных прав бывшим белым офицерам, не служившим в РККА, но работавшим в советских и общественных организациях, членам профсоюзов, если они не были лишены избирательного права по иным мотивам. Решение о восстановлении прав принимал местный исполком на основании предоставления его избиркому. При этом динамика восстановления прав лишенцам была крайне неравномерна по регионам [3, с. 49]. Сами прецеденты, связанные с восстановлением избирательных прав бывшим белым, часто имели индивидуальные особенности [4].

Но уже в первой половине 1930-х гг. многие представители бывшего офицерства, являвшиеся лишенцами, равно как и восстановившие свои избирательные права, оказались среди фигурантов масштабных политических процессов, став жертвами «большого террора».

Сегодня в историографии есть различные по направлениям работы, освещающие личностно-социальную историю первой трети XX в. [5–8]. И здесь высокую информативность для изучения жизненного пути офицеров в советской России имеют документы особого учета бывших белых. Данный тезис мы неоднократно подтверждали конкретными примерами [9–13]. Но для биографической реконструкции в этот раз нами избран иной подход. Цель работы — на основе изучения корпуса источников, находящихся в составе личного дела лица, лишённого избирательных прав, представить положение бывшего офицерства в СССР в 1920-е–1930-е гг. В качестве примера выбрана судьба подполковника Михаила Константиновича Гомбинского — кадрового офицера, служившего в Русской императорской и белой армиях. Обратимся к обзору биографии героя статьи. О нем и его семье кратко мы уже упоминали [14]. Но в этом случае вопрос раскрывается полнее, а биографическая реконструкция произведена в той степени, насколько это возможно. Основой для проведения исследования стал комплекс неопубликованных источников из личного дела лишенца М. К. Гомбинского. Картину дополнили краткая записка о службе М. К. Гомбинского на октябрь 1918 г. (из фондов Российского государственного военного архива), а также личные дела родственников героя нашей статьи (из фондов Исторического архива Омской области).

Наш герой родился 8 апреля 1873 г. в Казанской губернии, происходил он из потомственных служилых дворян. Начальное образование юный Михаил Гомбинский получил в Сибирском кадетском корпусе. Окончив его, с 1 сентября 1891 г. юноша был направлен в 3-е Александровское военное училище. 4 августа 1893 г. подпоручик Гомбинский получил назначение в 42-й пехотный Якутский полк. В дальнейшем судьба и большая часть службы этого офицера будут связаны с Омском, где он сначала служил в Омском резервном батальоне, комендантском управлении, управлении Омской местной бригады и 10-м пехотном полку. В составе полка наш герой участвовал в Русско-японской войне. В 1905–1907 гг. уже капитан Гомбинский был начальником Каракаралинской местной команды. В 1907–1908 гг. М. К. Гомбинский был смотрителем Омского военного госпиталя, а в 1909–1910 гг. служил в интендантском управлении Омского

военного округа, затем обер-офицером для поручений Омского вещевого склада. По болезни 9 декабря 1910 г. капитан Гомбинский был уволен из армии, но с 21 декабря 1912 г. был возвращен на службу начальником Омской местной артиллерийской команды. С 8 июня 1913 г. по 11 ноября 1915 г. капитан Гомбинский был начальником Омского артиллерийского склада, после чего до 18 июля 1917 г. находился в действующей армии, командуя 490-м транспортом, а затем 98-м обозным батальоном (временно, с 25 декабря 1916 г. по 25 января 1917 г.). 6 декабря М. К. Гомбинский был произведен в подполковники. С июля 1917 г. наш герой был переведен в 28-й Сибирский стрелковый запасной полк командиром 2-го батальона. Эта должность в старой армии стала для него последней: с 18 января 1918 г. подполковник Гомбинский был уволен с военной службы [15, л. 147–147об.].

Служебный путь М. К. Гомбинского был отмечен орденами Святого Станислава 3-й и 2-й степеней (1904, 1915 гг.) и Святой Анны 3-й и 2-й степеней (1914, 1916 гг.) [15, л. 145об.].

М. К. Гомбинский был женат. Вместе с супругой Евдокией Васильевной они воспитывали четверых детей — Нину, Елизавету, Сергея и Евгению. Накануне 1917 г. Гомбинские жили в городском центре в доме на углу улиц Тарской и Банной (ныне — улица Косарева) [16, л. 9–13].

12 ноября 1917 г. средняя дочь М. К. Гомбинского — Елизавета — вышла замуж за прапорщика Всеволода Борисовича Оссовского (1896–после 1950). Можно предположить, что этот брак не был случайным, ведь отцы новобрачных — подполковник М. К. Гомбинский и подполковник Б. А. Оссовский (1864–1916) [17] — были знакомы друг с другом, служа вместе на военно-административных должностях в Каркаралинском уезде. Чуть позже вышла замуж и старшая дочь нашего героя — Нина. Ее избранник, 25-летний Дмитрий Петрович Козлов (впоследствии — поручик колчаковской армии, военный топограф) был родом из Санкт-Петербурга [16, л. 9об., 13; 18, л. 6, 7, 38, 39]. Н. М. Гомбинская с 1917 г. служила по вольному найму машинисткой в Омской судебной палате (в прокурорском надзоре, затем в канцелярии Старшего председателя палаты). Затем она перешла на ту же должность в Акмолинский областной комиссариат. А с 14 августа 1917 г. в Омскую судебную палату на должность машинистки была принята ее сестра — Елизавета, которая до этого, по окончании 1-й Омской женской гимназии и курсов машинописи, с 30 марта по 1 июня 1917 г. служила в Омской продовольственной управе. Е. М. Гомбинская (Оссовская) продолжала работать в Омской судебной палате до сентября 1919 г. [19, л. 1–3, 9].

С началом в Сибири Гражданской войны М. К. Гомбинский стал служить на стороне антибольшевистских сил. Но в боевых действиях он участия не принимал, получив 9 октября 1918 г. назначение на вакансию заведующего хозяйством Омского артиллерийского склада [15, л. 147об.; 16, л. 9]. Надо оговориться, что, по меркам того времени, эта должность была «спокойной». Занять ее М. К. Гомбинский мог и по причине проблем со здоровьем, но нельзя исключать «влияния» связей нашего героя. Этой же причиной можно объяснить то, что на фронт тогда не попал и зять М. К. Гомбинского — поручик В. Б. Оссовский, часто менявший в тылу места службы и должности.

Но вышло так, что в жизненном пути М. К. Гомбинского трагические коллизии его судьбы и события военно-политической истории нашей страны тесно переплелись. В начале ноября 1919 г. Красная Армия была уже вблизи Омска; колчаковская столица спешно эвакуировала свои государственные учреждения и войска. Тогда дочь М. К. Гомбинского Е. М. Оссовская вместе с супругом — поручиком белой армии выехали по железной дороге на восток, оставив родителям малолетнюю дочь Веру [10, с. 293]. Другая дочь — Нина — также вместе с мужем-офицером находилась вдалеке от дома. И в этот момент на фоне сильных эмоциональных переживаний, вызванных началом катастрофы белой армии в Сибири и тревогой за своих близких, у 46-летнего М. К. Гомбинского произошел инсульт [16, л. 9 об.]. Из-за случившегося наш герой, его жена, дочь Евгения и сын Сергей остались в Омске, где с 14 ноября 1919 г. восстановилась советская власть. М. К. Гомбинский 22 марта 1920 г. был освидетельствован Бюро экспертизы подотдела социального обеспечения и охраны труда Омского губернского отдела труда. Врачи диагностировали паралич правой части тела, миокардит, ослабление зрения, слуха, мышечно-костной системы и полную утрату трудоспособности. Состояние здоровья М. К. Гомбинского, остро нуждавшегося в уходе, по заключению медиков не требовало дальнейшего переосвидетельствования, и он получил I группу инвалидности пожизненно [16, л. 7].

Гомбинские до 1929 г. продолжали жить в Омске, в прежнем месте. После поражения Белого движения дочери Нина и Елизавета вместе со своими мужьями-офицерами (перешедшими в РККА) вернулись в родительский дом, здесь же жили их малолетние дочери Вера и родившаяся в 1922 г. Ирина [18, л. 6, 7]. Из-за полной утраты трудоспособности М. К. Гомбинский, как домовладелец, был освобожден от уплаты налогов. Но в 1929—1931 гг. за владение жильем наш герой с нарушением финансового законодательства того времени был обложен подоходным налогом. Семья стала испытывать большую нужду в средствах. Обжитый дом пришлось продать, переехав в 1929 г. в небольшой флигель на той же улице [16, л. 4].

Но Гомбинских, оказавшихся в тяжелой жизненной ситуации, не оставили те, кому Михаил Константинович когда-то помог. Так, прислал деньги Гомбинским Иван Васильевич Суворов — бухгалтер, живший на станции Булаево — бывший солдат, до революции служивший под началом М. К. Гомбинского. Офицер выучил толкового солдата грамоте, назначил писарем. Но И. В. Суворов, как видится, помнил доброту своего начальника. В Подмоскowie жили вдова офицера (вероятно, сослуживца М. К. Гомбинского) Юлия Ивановна Наумова и ее дочь Александра, которой Михаил Константинович помогал готовиться к поступлению в Омский акушерский техникум (его девушка окончила в 1927 г.). Устроив свою жизнь в Помоскowie, Наумовы не забыли тех, кто сделал добро им, и теперь сам нуждался в помощи. Также поддерживали связь с Гомбинскими бывший капитан Николай Степанович Таланкин и бывший статский советник Аполлон Петрович Буткеев [16, л. 14об., 15].

Но разные жизненные неурядицы не оставляли Гомбинских. Оба зятя Михаила Константиновича, как бывшие белые офицеры, подвергались политическому преследованию. Д. П. Козлов отбывал недолгую ссылку в Нарымском крае; а в 1938 г. он был

расстрелян [16, л. 9об.; 20, с. 188]. В. Б. Оссовский арестовывался органами ВЧК — ОГПУ в 1921 и 1933 гг. [10, с. 294, 295, 299—301]. К 1925 г. семейный союз Всеволода и Елизаветы Оссовских распался [16, л. 9об., 13]. Е. М. Оссовская (Гомбинская) с 1920 г. служила машинисткой в Сибирской школе комсостава ЧОН, но потеряла работу из-за расформирования школы в 1924 г. В 1924—1925 гг. она жила временными заработками, подверглась чистке на бирже труда, в 1925—1926 гг. служила машинисткой общего отдела Омского губернского финансового отдела; в 1930-е гг. она занимала ту же должность, но в Омском отделении Госбанка, позднее была суфлером в Доме Красной Армии и Омском ТЮЗе [16, л. 10, 12об.; 21, л. 1А, 2, 5, 9об.; 22, 2об.].

Н. М. Козлова (Гомбинская) в 1920-е гг. некоторое время служила в продовольственном магазине Управления военно-продовольственного снабжения Омской губернии. А младшая дочь М. К. Гомбинского — Евгения — работала лаборантом в Омском военном госпитале. Сын нашего героя, Сергей, в 1932—1933 гг. жил в Ленинграде, оттуда он был призван в ряды РККА. Но о С. М. Гомбинском родственники, жившие в Омске, предпочитали максимально умалчивать, дабы неосторожным словом не создать их сыну и брату проблем [16, л. 5, 5об., 12об., 13об.; 18, л. 38].

Постановлением избирательной комиссии при Омском городском исполкоме от 3 января 1931 г. М. К. Гомбинский был лишен избирательных прав, но именно не как бывший офицер, а «за эксплуатацию (нетрудовой доход) от дома». 9 января 1931 г. Михаил Константинович подал в Омскую городскую избирательную комиссию ходатайство о восстановлении ему прав, рассмотренное 18 января 1931 г. С аналогичным заявлением лишенец Гомбинский 3 февраля 1931 г. обращался и в Западно-Сибирскую краевую избирательную комиссию. Но оба прошения не возымели действия [16, л. 1—3об., 6, 6об.; 23, л. 30].

Примечательно, что в условиях жизненных тягот, и притеснений властью Гомбинские, как религиозная семья, были верны своим духовно-нравственным традициям. Так, в комнате Михаила Константиновича стояло полтора десятка икон. Гомбинские посещали Крестовоздвиженскую церковь, располагавшуюся на улице Тарской (ныне — собор Воздвижения Креста Господня, ул. Тарская, д. 33), неподалеку от их дома. Но дабы в суровое время гонений власти и общества на религию и верующих не навлечь на себя беду, дочери М. К. Гомбинского — Нина и Елизавета, работая в советских учреждениях, вынужденно посещали антирелигиозные пропагандистские вечера, организовывавшиеся по месту их службы [16, л. 17об., 18].

Многие частные подробности жизни М. К. Гомбинского и его семьи могли бы остаться неизвестными, если бы 11 декабря 1934 г. в Омский городской административный отдел в Омскую городскую избирательную комиссию одновременно не поступили два письма схожего содержания. Автором их был один из омских обывателей — Константин Александрович П. (по этическим соображениям полное имя этого человека мы не называем). Оба письма начинались так: «Просматривая списки лиц, лишённых избирательных прав, я заметил, что в них отсутствует фамилия Михаила Константиновича Гомбинского, проживающего в Омске по Тарской, 28...». В письмах подробно, хотя и весьма поверхностно, на обывательский манер, о Гомбинских

указывались различные сведения, по которым в видении советской власти семья могла бы предстать во враждебном свете. По тексту писем видно, что заявитель был вхож в круг общения Гомбинских. Автор писем, по тексту не раз требовавший сохранить свое имя в тайне, категорично и неоднократно настаивал на лишении избирательных прав всех членов семьи Гомбинских. Умело угадывая острую политическую конъюнктуру дня и проявляя «политическую бдительность», в качестве одного из финальных доводов в пользу своих требований автор писем указывал: «Лишение этой публики избирательных прав — лучший ответ на убийство верного сына пролетарского народа товарища Кирова» [16, л. 9–18].

Надо отметить важную характеристику личности доносителя: в 1927 г. он сам недолго был лишенцем за отказ служить в РККА и как бывший член семьи торговца (лица, жившего на нетрудовой доход). Будущий автор доноса на семью Гомбинских 22 июня 1929 г. подал в Омский окружной исполком ходатайство о восстановлении в правах, которое сначала отклонили. Но постановлением Омской городской комиссии по пересмотру списков и жалоб лишенцев по городу Омску от 29 ноября 1930 г. Константин Александрович П. был восстановлен в правах [24, л. 9; 25, л. 53; 26, л. 328 об.].

Интересен факт: в списках омичей-лишенцев на 1934 г. М. К. Гомбинский все же числился [16, л. 11]. И оба «сигнала во власть» как таковые не были актуальны; поэтому никакой ответной реакции власти и не последовало. Но вероятно, что «неведение» автора доносов «неактуальности» таковых, могло быть лишь «прикрытием». Ведь доноситель, говоря о М. К. Гомбинском, «попутно» общал власти весомый объем «компромата» сразу на нескольких членов семьи. По тону подачи информации в письмах стремление их автора испортить жизнь Гомбинским выглядит уж слишком очевидным.

Нам не удалось проследить финал жизненного пути М. К. Гомбинского, но, учитывая тяжелое состояние его здоровья и возраст, можно предположить, что к концу 1930-х гг. он уже мог уйти из жизни. Сведений о применении к герою нашей публикации в 1930-е гг. иных мер репрессивного характера, кроме лишения избирательных прав, нами выявлено не было.

С точки зрения практики архивного дела, пока есть сложность использования документов о лишении граждан избирательных прав. Проблема заключена в частичном ограничении их выдачи пользователям читальных залов государственных архивов. Причина ограничения в том, что документ содержит конфиденциальную информацию, связанную, в том числе, и с фактами умышленного доноительства на лишенцев. Единственное обстоятельство, какое может способствовать полному снятию ограничений доступа к данным документам — истечение значительного срока времени.

Рассмотренный пример судьбы героя данной статьи, по мнению автора, сполна позволяет оценить источниковый потенциал документов, связанных с лишением советских граждан избирательных прав. Сегодня эти свидетельства истории могут быть использованы исследователями как ценный ресурс по изучению общественно-политической жизни середины 1920-х — первой половины 1930-х гг., истории повседневности, а также исторической биографии и практической генеалогии. Обозначенный

тезис имеет особую актуальность в связи с антропологическим поворотом в современной исторической науке. А Гражданская война и ее последствия требуют от ученых всестороннего и пристального изучения, поскольку и в наше время в обществе преобладают стереотипные и искаженные представления об одном из самых сложных и противоречивых периодов российской истории [27].

Библиографический список

1. Смирнова Т. М. «Бывшие люди» Советской России. Стратегии выживания и пути интеграции. 1917–1936 годы. М.: Издат. дом «Мир истории», 2003. 247 с. ISBN 5-98308-002-4.
2. Варзаков И. В. Военная интеллигенция в белой борьбе на восточном фронте: штрихи к портрету // Вестник Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Сер. № 3. Гуманитарные и общественные науки. 2013. № 1. С. 130–150.
3. Абинякин Р. М. Настроения бывших офицеров на службе РККА в 1920–1930-е гг. // Учёные записки Орловского государственного университета. 2013. № 4. С. 47–52.
4. Стельмак М. М. Особенности возвращения избирательных прав лишенцам в 1920-е гг. // Чтобы это не повторилось: материалы конф. «Помня прошлое. 75 лет Большого террора». Омск: Центр развития общественных инициатив. 2012. С. 23–25.
5. Петин Д. И., Ефремова Ю. Н. Источниковый потенциал семейных архивов в реконструкции биографии и генеалогии участника Гражданской войны. На примере архива семьи Абрамовых. Первая половина XX в. // Вестник архивиста. 2013. № 1. С. 217–231.
6. Петин Д. И. Николай Батюшкин: биографические источники в реконструкции жизненного пути харбинского белоэмигранта // Вестник архивиста. 2016. № 2. С. 249–282.
7. Бакшт Д. А. Лев Черный (П. Д. Турчанинов) в сибирской ссылке (1907–1910 гг.): документы органов Департамента полиции в реконструкции биографии деятеля российского анархизма // Вестник архивиста. 2016. № 3. С. 300–311.
8. Каминский В. В., Веремеко В. А. Дворянская семья Барановских на сломе эпох // Новейшая история России. 2016. № 3. С. 64–83.
9. Петин Д. И. Биографические источники в практической генеалогии: на примере судьбы кадрового офицера Русской императорской армии П. П. Мозера // Вестник архивиста. 2014. № 2. С. 294–312.
10. Петин Д. И. Всеволод Оссовский: бывший белый офицер в советской России // Вестник архивиста. 2015. № 3. С. 288–306.
11. Каминский В. В., Петин Д. И. Русский артиллерист А. В. Беклемишев на службе в четырех армиях: опыт историко-биографического исследования // Вестник архивиста. 2016. № 3. С. 266–299.
12. Петин Д. И. Николай Рогозин: офицер-деникинec в условиях советской России // Вестник архивиста. 2017. № 1. С. 114–138.
13. Петин Д. И., Каминский В. В. Генерал-майор Генштаба Н. Н. Артамонов (1872–1937): биография сквозь призму новых источников // Вестник архивиста. 2017. № 3. С. 275–300.
14. Оссовский А. В., Петин Д. И. Россия на перепутье: три судьбы представителей рода Оссовских // Родословная книга Сибири. Омск: ООО «Золотой тираж» (Омскбланкиздат), 2014. С. 245–256.
15. Российский государственный военный архив. Ф. 40215. Оп. 1. Д. 12.
16. Исторический архив Омской области (ГИАОО). Ф. Р-235. Оп. 8. Д. 1100.
17. Петин Д. И. Петропавловский уездный начальник Борис Александрович Оссовский (1864–1916) // Уроки истории:

материалы Междунар. науч.-практ. конф. «Регионы Казахстана: история, современность, перспективы», посвященной 25-летию независимости Республики Казахстан и 80-летию Северо-Казахстанской области / Под ред. С. З. Маликовой. Петропавловск, 2016. С. 90–103.

18. ГИАОО. Ф. Р-1377. Оп. 1. Д. 3.

19. ГИАОО. Ф. 391. Оп. 2. Д. 91.

20. Забвению не подлежит. Книга памяти жертв политических репрессий Омской области. Омск: Омское кн. изд-во, 2001. Т. 4. 429 с.

21. ГИАОО. Ф. Р-238. Оп. 3. Д. 893.

22. ГИАОО. Ф. Р-1839. Оп. 1. Д. 424.

23. ГИАОО. Ф. Р-235. Оп. 7. Д. 65.

24. ГИАОО. Ф. Р-235. Оп. 7. Д. 5.

25. ГИАОО. Ф. Р-235. Оп. 7. Д. 15.

26. ГИАОО. Ф. Р-235. Оп. 7. Д. 39.

27. Петин Д. И., Стельмак М. М. «Сибирь, союзники и Колчак». Восприятие военно-революционного периода 1917–

1922 гг. современным обществом (В рамках работы Центра изучения истории Гражданской войны) // Гражданская война в России (1917–1922): историческая память и проблемы мемориализации «красного» и «белого» движения: сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. Омск, 16–17 июня 2016 г.) / глав. ред.: Д. А. Алисов, Ю. А. Закунов; отв. ред.: О. В. Гефнер, И. А. Селезнева. М.: Институт наследия, 2016. С. 340–345.

ПЕТИН Дмитрий Игоревич, кандидат исторических наук, доцент кафедры «Отечественная история» ОмГТУ; главный архивист Центра изучения истории Гражданской войны (Исторический архив Омской области).

Адрес для переписки: dimario86@rambler.ru

Статья поступила в редакцию 24.05.2017 г.

© Д. И. Петин

УДК 94(470+571):398.8

А. В. РЫЧКОВ

Омский государственный
технический университет,
г. Омск

ОТРАЖЕНИЕ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТИРОВ ПОСТСОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА В ТВОРЧЕСТВЕ ГРУППЫ «MOTOR-ROLLER»

В статье рассматривается такой элемент исторического сознания, как ценностные ориентиры на постсоветском пространстве, нашедшие отражение в творчестве музыкальной группы «Motor-Roller». По мысли автора, творчество группы посвящено критике занимающих доминирующее положение потребительских ценностей, их влиянию на снижение культурного уровня населения, падение авторитета интеллигенции, переоценку исторического прошлого.

Ключевые слова: историческое сознание, ценностные ориентиры, культура, группа «Motor-Roller», постсоветское пространство.

В историческом сообществе признано, что современники не в силах всесторонне понять и оценить историческую ситуацию из-за своей «укорененности» в ней. Потомки, напротив, имеют больше возможностей для познания прошлого, понимания причинно-следственных связей исторических явлений [1]. Но при этом для исследователя возникает опасность «осовременивания» истории. Поэтому представляется необходимым и целесообразным, учитывая «ограниченность» характеристик очевидцев тех или иных исторических событий, все-таки обращаться на них особое внимание. Именно эти оценки отражают стихийно формирующееся историческое сознание эпохи, ее дух и «нерв», без понимания которых историческая реконструкция невозможна.

Отметим, что данный взгляд лежит в русле антропологического подхода, делающего акцент на «человеческом измерении истории» [2], и одного из наиболее популярных направлений в современной исторической науке — истории повседнев-

ности, которое подразумевает исследование, в том числе ценностных ориентиров населения в различных эпохи и в различных странах и регионах.

Современный ресурсный кризис обостряет политические противоречия в современном мире, порождает новые войны, ведет к потере суверенитета богатых ресурсами стран. Важно понять, насколько современные ценностные ориентиры способны вдохновить наш народ, и объединенные общностью исторической судьбы братские народы на постсоветском пространстве, на трудовые свершения, на отстаивание своей независимости, насколько способны обеспечить единство действий.

Известно, что наиболее талантливыми «бытописателями» эпохи являются творческие деятели, в незабываемых и ярких образах представляющие свое время. Историки в последние годы все чаще обращаются к данной тематике.

Традиционными стали международные конференции, например, историки ОмГТУ провели конференции, посвященные 70-летию Победы

в Великой Отечественной войне [3], 100-летию Русской революции 1917 г. [4].

Одной из популярных музыкальных рок-групп, песни которой наполнены важным социальным смыслом, является казахстанская группа «Motor-Roller». Творческая биография коллектива началась в 1993 г. Основателем, бессменным лидером, автором практически всех текстов и музыки коллектива является Ильяс Аутов. Тексты песен помещены на соответствующем сайте группы во «всемирной паутине» [5]. Если советский рок критиковался за «преклонение перед Западом», то у группы «Motor-Roller» — противоположная мировоззренческая платформа. Активная «социализация» творчества группы приходится на последнее десятилетие. В фокусе внимания группы ситуация на постсоветском пространстве. И. Аутов так характеризует свое творчество в одной из последних песен «Русский и азиат»:

*Я вместе несу их Крест и Луну.
Я — Скрепка на стыке миров.
Упрямо разогранную страну
Сшиваю я из кусков.*

Существует ряд интерпретаций понятия «прогресс». По нашему мнению, наиболее емким и содержательным является подход, сформулированный советским композитором Г. В. Свиридовым. «Технический прогресс, — писал он, — это еще не прогресс человечества, путать эти понятия нельзя и, я бы сказал, вредно» [6, с. 341]. Иными словами, общественную эволюцию необходимо оценивать, прежде всего, в «человеческом измерении», количеством добра, милосердия, честности, порядочности, высотой помыслов и широтой кругозора, а не числом выпущенных машин, кубометров добытого газа, баррелей выкачанной нефти и пр. Именно такой подход характерен для группы «Motor-Roller».

Время после распада СССР характеризуется как «отравленная ядом эпоха» («Миллионы причин»). Основным содержанием этой эпохи является уход «от себя», потеря собственного пути и обретение ложных смыслов:

*Кто же нас так опоил, что чужой черный ил
Мы едим вместо нашего хлеба из всех
своих сил.
Культивируем вшей чужеродных идей...
(«28 панфиловцев»).*

Как и всякое бездумное заимствование, отказ от собственного исторического опыта, его принижение, преклонение перед заграницей, ориентированной на собственные интересы и выгоды, губительны для страны и народа. Результаты деятельности заграницы показаны в песне «Брестские крепости»:

*Продолжая к нам в дом проникать,
Многоопытная заграница
Стала нас у корней подгрызать —
Без корней проще договориться.
Она сгрызла ученых, врачей,
Придушила кинематограф,
Обглодала учителей,
И свой глобус пропил географ.*

Главным в новой системе ценностей является ориентация на материальное потребление. Правда, основной «силой», формирующей потребительские ценности на постсоветском пространстве, показывается опять-таки «заграница», которая

*Прогрызала дыры в мозгах,
Чтобы тряпки туда вконопатить.
Наша воля лопалась в швах,*

И совсем продырявилась память

(«Брестские крепости»).

Следовательно, не учитываются внутренние причины «свертывания» советского проекта: нарастание экономических трудностей, формирование заинтересованных социальных групп (теневики, номенклатура, националистические элиты). Кстати, Г. В. Свиридов в своих дневниковых записях показал, как складывались «культурные» предпосылки будущей социальной трансформации. В частности, он указывал на то, что «происходит, как по команде, организованное, сознательное принижение культуры, опошление ценностей. Из великих произведений искусства и литературы умело вытраивается их сущность, их высокий нравственный смысл» [5, с. 157]. Результатом изменений в культурной парадигме, по мысли Свиридова, явилось появление нового «социального героя»: «...Пришел герой нового послевоенного поколения, «герой-ничтожество», благополучный, полусытый, чрезвычайно самодовольный нуль. Он развязен, нагл и низкопробен в художественном творчестве и развращен во всех смыслах как человек» [5, с. 126].

Нам уже приходилось писать о пропаганде потребительских ценностей и о следствии этой пропаганды — понижении культурных запросов — в условиях «позднего» СССР [7]. Но тогда это был только один сегмент, среди многих других, в советской культуре. В новых условиях этот сегмент стал господствующим, и пропаганда «удовлетворения потребностей» приобрела всеобъемлющий характер. Естественно, что это явление не могли не заметить музыканты из группы «Motor-Roller». Во многих песнях говорится как раз об этом. Герой «Песни о войне» слышит упрек от воображаемого деда, погибшего на Одере в 1945 г.:

*Ты был талантлив, всех любил, но все в деньгах
похоронил,
Искал разгадку смысла жизни, а теперь?!
Ты ищешь баб на стороне, забыл о сыне и жене,
И между миром и тобой стальная дверь.
Неужто ради ваших склок за хлеб и зрелища
мешок
Мы погибли под огнем фашистских крыс,
Эх, нету Гитлера на вас, тогда б вы поняли
за час
Всю ценность жизни, ее прелесть, ее смысл!*

Провозглашение материального благополучия целью и смыслом жизни автоматически суживает культурный горизонт человека, а конкуренция, как двигатель прогресса, разрушает общественную ткань:

*Никого в облаках, все сидят в кабаках,
Промывают вином следы от зубов своих
ближних.
Целый мир был в руках, в этих слабых,
дрожащих руках.
Но все падает, падает из этих рук.
А мы смотрим на это, скулим и сидим
неподвижно («Никого в облаках»).*

Судьбе культуры в «денежной цивилизации» посвящена песня «Служенье муз». Вот отрывок из нее:

*Служенье муз не терпит суеты.
И суета не терпит муз служенья.
Они обречены всегда на поражение
В те дни, когда вокруг спуют кроты.
Как трудно в мертвой глине прорасти,
Как сложно в бурном прорасти потоке!
О жизни не скорбеть, как о тюремном сроке.*

*И чистоты своей не предавать.
Как нелегко пытаться говорить
В стране, где люди слышат только мертвых!
Стать лезвием ножа, о все страдания тертым,
И не сломать себя, а заострить.*

Как это все созвучно и текстуально, и по смыслу пушкинскому «Служенье муз не терпит суеты; / Прекрасное должно быть величаво». Отказ от «большого стиля», стремление выдать за «большое» мелкое, ничтожное, незначительное — опасно для общества, это тревожный сигнал, предупреждающий о будущих государственных проблемах. Кризис и распад СССР имели не столько экономические причины, сколько это был кризис в головах, вызванный разочарованием населения в официальной идеологии и в конкретных лицах, олицетворяющих персонально эту идеологию. Наш омский поэт А. Кутилов, например, так охарактеризовал советское «общество» застойных времен:

*Жует, сопит и топчется,
сморкается в кулак...
Толпа — еще не общество,
хоть над толпою — флаг [8].*

Во время зарубежного путешествия, в июле 1922 г., С. Есенин писал из Западной Европы: «Сплошное кладбище. Все эти люди, которые спуют быстрой ящериц, не люди — а могильные черви, дома их гробы, а материк — склеп. Кто здесь жил, тот давно умер...» [9]. Почти столетие спустя о новых «мертвых», сделавших материальное преуспевание целью и смыслом жизни, но уже на постсоветском пространстве, заявили музыканты группы «Motor-Roller».

Любопытно, что именно разрушение «менталитетной сферы» СССР А. А. Зиновьев считал одной из главных причин проигрыша в «холодной войне» [10].

В творчестве рок-группы «Motor-Roller» большое место отводится проблеме ответственности творческой интеллигенции перед народом. Интеллигенция способна мобилизовать народ на трудовой и боевой подвиг, если сформулированные ею цели благородны и отвечают глубинным народным чаяниям. Но возможно и совершенно обратное, когда образованные слои, уверовав в потребительство и материальное преуспевание как в высший смысл, изменяют своей роли пробуждать добрые чувства. И тогда место добрых чувств занимают иные «ценности»:

*Всюду слышалось «пиар»,
«Чес», «бабло» и «гонорар».
Шоу-бизнеса базар
Тряс кошельками.
Продавался свежий хит,
Рэпер, что с министром спит,
Бэнд танцующих лолит
С большими грудами («Звезда прошлого века»).*

Трагизм ситуации, отражающей низведение роли интеллигенции до отрицательных величин, показан в «озарении» «звезды прошлого века»:

*И уже в глухом подпятии
На звезду сошло наитие:
Ведь она была любимицей страны,
С голосом невероятной глубины!
Она мир меняла песнею,
А теперь связалась с плесенью.
До дешевой славы жадная,
Песнь народную на стагнуто
Променяла и с эстрадными
Пьет, поет, живет кастратами.*

Знаменателен образ микрофона в одноименной песне, тоскующий и мечтающий:

*А я так тоскую по песням с накалом!
Я жду повелителя с мощным вокалом.
Чтоб грожь пробивала, как у Левитана,
Чтоб билась, как парус, тугая мембрана.
Чтоб взяли меня настоящие руки,
Чтоб влили в меня настоящие звуки,
Чтоб гаже потом, если влепят мне вышку,
Я правду усиливал, а не отрыжку.*

Музыканты группы «Motor-Roller» не обошли вниманием и историческую науку и проблему гражданской ответственности историков. Известно, что для человека, как члена социума, характерно нормативное поведение. Социальные нормы формируют действия и поведение людей в соответствии с определенными присущими данному обществу ценностями. Эти нормы складываются исторически, под влиянием социальных и иных факторов. Причем важную роль играют поступки выдающихся исторических личностей. Слом культурного кода нации облегчается, когда подвергаются сначала сомнению, а затем и осмеянию подвиги предков, когда искажается смысл содеянного национальными героями. Характерна в данном случае дискуссия, навязанная обществу по поводу подвига 28 панфиловцев: стали вести речь не о подвиге как таковом, подменяя его частностями — подсчетом подбитых танков фашистов и количества советских солдат [11]. Содержание «дискуссии» так отражено в песне «28 панфиловцев»:

*Кто-то сытый изрек: «Этот подвиг поглот,
Закопал настоящую правду пропаганды «совок».
А ему подпевал хор предательских жал,
Тех, кто кроме лечебной диеты, горше
страганий не знал.*

Профессиональные историки, конечно же, узнали своего «сытого» коллегу. Таким образом, ставится вопрос о качестве исторических исследований, о необходимости концентрации внимания профессионалов на самых важных, самых содержательных, определяющих аспектах нашего исторического прошлого, не подменяя его второстепенными частностями и конъюнктурными построениями.

Торжество массовой культуры ведет к снижению авторитета научного знания и его примитивизации, падению общекультурного уровня населения, формированию простых, но ложных в своей основе, социальных конструкций. Это явление у музыкантов представлено в образе «баранины»:

*Бараниной набиты телевизоры,
Баранина официально признана
Идеологией и достоянием,
Дорогой, выводящей к процветанию.
Баранина преподает историю,
Кривые нам квартиры понастроила,
Баранина в больнице оперирует,
Баранина в суде казнит и милует
(«Песня городского сумасшедшего»).*

Чтобы не обижались коллеги-историки, отмечу, что только в Армении и Белоруссии в школьных учебниках отсутствуют сюжеты о российско-советской колонизации и оккупации. Вот такая вот «баранина».

Несмотря на трагизм ситуации в социально-культурной сфере, все-таки творчество рок-группы оптимистично. Эта вера базируется на том, что подвиги предков, их духовные свершения не могут не повлиять на мировоззрение потомков, их жизненный настрой. Потомки создателей и творцов,

героев, мечтателей и ученых не могут довольствоваться только потребительскими благами, «Поняв, что нет пути обратного в долину / Увидевшему свет небесных льдин» («Служенье муз»). Показателен в этом плане отрывок из «28 панфиловцев»:

*Так случилось не раз, в самый тягостный час
Полк бессмертный спешил на защиту,
загораживал нас.
Здесь шагают сыны столь великой страны.
Здесь Панфилов, Клочков и Доватор,
грозный Момыш-улы.*

Человек в творчестве группы «Motor-Roller» не потребительский экспонат, лозунг которого «Я потребляю, следовательно, я существую», а личность, способная изменить мир к лучшему, сделать его более добрым и справедливым:

*«Жизнь прожить — как поле перейти.
Поле, где кругом зарыты мины.
Ты солдат на войне Добра со Злом.
Ты солдат, остальное — потом.
У тебя есть особое задание — остаться собой»
(«Солдат»).*

Важно сказать, что творчество группы «Motor-Roller» востребовано современниками, что подтверждается количеством записанных альбомов и выпущенных клипов, в многочисленных интернет-форумах, нашло свою преданную аудиторию.

Таким образом, творчество группы «Motor-Roller» отражает историческое сознание того сегмента общества, который признает искусственность «привития» потребительских ценностей на постсоветском пространстве. Восприятие «чужих» западных ценностей привело к кризисным явлениям в области культуры, к падению авторитета интеллигенции, к негативной переоценке исторического прошлого России. В противовес этому в последние годы все большую популярность приобретают идеи человеческой солидарности, государственного служения, осознания особой ответственности человека перед миром. Творчество группы «Motor-Roller» отражает дисперсность исторического сознания постсоветского пространства.

Книжная полка

Осиновский, И. Н. История средних веков : учеб. / И. Н. Осиновский, Г. А. Ртищева, Н. В. Симонова. — М. : Юрайт, 2017. — 464 с. — ISBN 978-5-9916-2745-0.

Учебник содержит материал по истории Средних веков (от раннего до позднего Средневековья, включая начало Нового времени). Основное внимание уделено важнейшим процессам, характеризующим развитие общества (преобразование социума при переходе от Античности к Средневековью, феодализация, становление национальных государств, Реформация и др.), а также раскрытию специфики важнейших явлений эпохи (империи, средневековый город, церковь, Возрождение и т.п.). Методический аппарат и структура издания, в основе которой лежит проблемный принцип, нацелены на развитие самостоятельного мышления и умения анализировать исторический материал. Карты, многочисленные иллюстрации, хронологическая таблица и глоссарий должны способствовать качественному усвоению студентом насыщенного информацией учебного текста.

Содержание учебника соответствует актуальным требованиям Федерального государственного образовательного стандарта высшего образования.

Издание рассчитано на студентов вузов, обучающихся по направлениям: «Педагогическое образование» (профили «История», «Историческое образование»); «Педагогическое образование» (профили «История и обществознание», «История и иностранный язык», «История и право»); «История» (профиль «Историческая политология»). Кроме того, издание будет полезно магистрантам, аспирантам, учителям, преподавателям и всем тем, кто проявляет интерес к истории средневековой Европы.

Библиографический список

1. Репина А. П., Зверева В. В., Парамонова М. Ю. История исторического знания. 4-е изд., испр. и доп. / под общ. ред. Л. П. Репиной. М.: Юрайт, 2016. С. 14.
2. Кром М. М. Историческая антропология. 3-е изд., испр. и доп. СПб.; М.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге: Квадрига, 2010. С. 186.
3. «Эхо русского народа»: Отражение истории России XX века в поэтическом и песенном творчестве: материалы III Междунар. молодежн. науч.-практ. конф. Омск, 28 апреля 2015 г. Омск: Изд-во ОмГТУ, 2015. 160 с.
4. «Эхо русского народа»: Отражение истории России XX века в поэтическом и песенном творчестве: материалы IV Междунар. молодежн. науч.-практ. конф. Омск, 25 апреля 2017 г. Омск: Изд-во ОмГТУ, 2017. 168 с.
5. Клуб MOTOR-ROLLER MUSIC. <https://vk.com/club2812909> (дата обращения: 14.06.2017).
6. Свиридов Г. Музыка как судьба. М.: Молодая гвардия, 2002. 798 с.
7. Рычков А. В. «Бунт сытых»: Г. В. Свиридов о «позднем» СССР // Динамика систем, механизмов и машин. 2016. Т. 4. № 1. С. 397–399.
8. Кутилов А. П. Памятник моей усталости. Стихи. Записки. Рисунки. Омск: Полиграф, 2017. С. 255.
9. Есенин С. А. Собрание сочинений. В 3-х т. М.: Правда, 1970. Т. 3. С. 256.
10. Зиновьев А. А. Русская трагедия. М.: Алгоритм, 2017. 480 с. ISBN 978-5-906947-52-9, 9785906947529.
11. История России. XX век: 1939–2007 / Под ред. А. Б. Зубова. М.: Астрель; АСТ, 2009. Т. 2. С. 56.

РЫЧКОВ Александр Васильевич, кандидат исторических наук, доцент (Россия), доцент кафедры «Отечественная история».

Адрес для переписки: alex-rychkov@mail.ru

Статья поступила в редакцию 27.06.2017 г.

© А. В. Рычков

Этим выпуском нашего журнала для направления «Исторические науки» мы открываем новую рубрику «Исторический архив». В рамках рубрики мы намерены периодически публиковать исторические источники (документ, серия документов), представляющие интерес для современной науки. Планируемые к публикации в рубрике материалы помимо необходимой археографической составляющей будут сопровождаться статьей-комментарием, раскрывающей научную значимость вводимых в научный оборот исторических источников, намечены перспективы их использования в современных научных исторических исследованиях.

Редакция приглашает историков и архивистов к сотрудничеству в рамках новой рубрики.

УДК 94:274/278

Р. В. РЫБАКОВ

Омский государственный
технический университет,
г. Омск

«УСИЛИТЬ ВЛИЯНИЕ МИЛИТАРИСТОВ НА МЕСТАХ»: ИЗ ДОКУМЕНТОВ ИРКУТСКОГО ГУБЕРНСКОГО ОТДЕЛА ОГПУ О МЕТОДАХ БОРЬБЫ С РЕЛИГИОЗНЫМИ ОРГАНИЗАЦИЯМИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1920-Х ГГ.

Анализ государственно-конфессиональных взаимоотношений в советский период не ограничивается изучением отношений власти и Русской Православной церкви. В 1920-е гг. немаловажной проблемой стало формирование политики по отношению к представителям протестантских деноминаций. В статье на основе документа, обнаруженного в Государственном архиве новейшей истории Иркутской области, представлена деятельность советских органов безопасности, направленная на раскол местных общин евангельских христиан и баптистов.

Ключевые слова: «сектантство», евангельское христианство, баптизм, протестантизм, альтернативная гражданская служба, молодежь, свобода вероисповедания.

Отношения между советской властью и протестантскими религиозными организациями, действовавшими на территории России в 1920-е гг., развивались сложно и противоречиво. Начавшийся процесс отделения церкви от государства позволил таким христианским объединениям, как баптисты, евангелисты, менониты, надеяться на восстановление «религиозной справедливости». Русская Православная церковь лишалась статуса господствующей, многочисленные конфессии уравнивались в правах, что создавало принципиально иные условия для их деятельности. В отечественной историографии неоднократно подчёркивалось двойственное

отношение власти к неправославным конфессиям. По мнению Н. В. Потаповой, «несформированность религиозной политики предопределили непоследовательное, но в целом лояльное отношение нового государства к евангельским христианам и баптистам в 1918–1921 гг.» [1, с. 126–127]. Анализ публикационных работ В. Д. Бонч-Бруевича [2] и П. А. Красикова [3] позволяет сделать вывод, что у власти существовала идея использовать лучшие силы религиозных общин, прежде всего рядовых членов, для вовлечения в дело социалистического строительства. Более того, с точки зрения А. И. Савина, среди части большевистского руко-

водства возник миф о «сектантах-коммунистах» как о верных сторонниках советской власти, который получил в начале 1920-х годов большое распространение [4]. Все свидетельствовало о том, что для евангельской церкви настали «золотые времена». Однако на протяжении 1920-х гг. взгляды правящей элиты на протестантскую веру менялись. Несмотря на провозглашенную в Декрете об отделении церкви от государства и школы от церкви от 23 января 1918 г. свободу вероисповедания, большевики продолжали планомерное наступление на церковь, в том числе и на искоренение сектантства. В программе РКП(б), принятой на VIII съезде партии 18–23 марта 1919 г., заявлялось: «По отношению к религии РКП не удовлетворяется декретированным уже отделением церкви от государства и школы от церкви... РКП руководствуется убеждением, что лишь осуществление планомерности и сознательности во всей общественно-хозяйственной деятельности масс повлечет за собой полное отмирание религиозных предрассудков» [5, с. 420–421].

Позитивная оценка большевиками дореволюционной деятельности сектантов как противников Русской Православной церкви и, соответственно, царизма, в скором времени сменилась серьезной озабоченностью в связи с их количественным ростом и активным участием в социальной и политической жизни страны. В то же время если по отношению к Русской Православной церкви советская власть с первых дней заняла позицию жесткой конфронтации, то к неортодоксальным конфессиям требовалась более изощренная тактика. Среди всех сект самыми многочисленными, организованными и, следовательно, опасными считались баптисты и евангелисты, демонстрировавшие к тому же в первые десятилетия XX в. тенденции к объединению в единый союз [6]. Численность приверженцев евангельских церквей, по разным данным, составляла от нескольких сот тысяч до нескольких миллионов. Мириться с популярностью сектантства среди масс большевистское правительство не собиралось. Однако идея «перевоспитания» сектантов и использования их на благо коммунистического общества у некоторых представителей новой власти по-прежнему сохранялась. Так, выступая на очередном пленуме ЦК РКП(б) в августе 1921 г. с докладом о постановке антирелигиозной пропаганды, Ем. Ярославский отметил следующее: «Есть факты близкого подхода отдельных сектантских рационалистических групп к задачам коммунистического строительства. ЦК должен дать определенную директиву немедленно собрать на местах более точный материал о современном сектантском движении и сектантских группировках. Разработав этот материал, необходимо установить на основании его совершенно определенное отношение к этим отдельным сектантским группам». В итоге было принято постановление, указывающее на необходимость изучения местного опыта и особого отношения «к тем религиозным группам и сектам, которые в своих социально-политических и социально-хозяйственных планах являются прогрессивными и несут в себе зачатки коммунистического взгляда» [7, с. 13–15].

Во взаимоотношениях власти и евангельских христиан ключевую роль играл вопрос о службе в армии. 4 января 1919 г. Совет народных комиссаров РСФСР издал декрет, освобождавший от службы в Красной Армии лиц, считавших невозможным

ее осуществление по религиозным соображениям. Данной льготой воспользовались представители протестантских деноминаций, что делало их организации еще более популярными среди населения. Однако уже в начале 1920-х гг. Советское правительство, обеспокоенное большим количеством отказников, прикрывающихся религиозными мотивами, предприняло ряд шагов, чтобы заставить верующих добровольно признать военную службу обязательной.

С 1922 по 1929 гг. вопросами исследования основных форм религиозной деятельности и, соответственно, поиском методов борьбы с верованиями занималась специально организованная Антирелигиозная комиссия. Уже в первый год своей работы она признала необходимым отказаться от ликвидации сектантских общин административными методами и провозгласила в качестве главного принципа антирелигиозной деятельности — разложение изнутри, добиваясь признания добровольной службы в армии. Главным орудием борьбы с сектантством были местные отделы Государственного Политического Управления (ГПУ). Через внедрение осведомителей им удавалось весьма успешно осуществлять политику разложения, в том числе оказывая давление на руководителей сект. Известным примером использования руководителей религиозных общин является история И. С. Проханова, который был привлечен к ответственности за распространение антимилитаристских воззваний. В итоге вербовки И. С. Проханова, несмотря на отрицательное мнение большинства делегатов, на съезде евангельских христиан в 1923 г. была принята резолюция о лояльном отношении к советской власти и признании службы в Красной Армии. Однако резолюция не поддержали баптисты. И так как возможности воздействовать на баптистов сверху у представителей ГПУ не было, кампания проводилась снизу, то есть с провинциальных общин, подготавливая их при помощи осведомления к предстоящему в декабре 1923 г. XXV Всероссийскому съезду баптистов. Но, несмотря на все предпринятые усилия, резолюция о признании службы в армии на этом съезде принята не была [8, с. 367–369; 9, с. 30–32].

Предлагаемые читателю материалы представляют рассекреченные документы советских органов безопасности, хранящиеся в Государственном архиве новейшей истории Иркутской области (ГАНИИО), которые отражают деятельность Иркутского Секретного отдела ОГПУ по борьбе с религиозными общинами евангельских христиан баптистов. Их анализ позволяет выяснить основные способы внесения раскола в секты, а также объективные проблемы, с которыми сталкивались сотрудники секретных служб.

Публикуемые таблицы содержат важные количественные характеристики сектантов: пол, возраст, социальное положение, служба в армии, что крайне важно для понимания социальных процессов, происходящих в среде религиозных общин в первые десятилетия XX в.

Тексты публикуются в соответствии с современной орфографией, с сохранением их стилистических особенностей. Подчеркивания выделены курсивом. Сокращения раскрыты в квадратных скобках. Часть слов восстановить не удалось, соответствующие места текста отмечены многоточиями в квадратных скобках. Статистические данные представленных таблицы содержат погрешности и приведены в оригинале.

ЕВАНГ[ЕЛЬСКИЕ] ХРИСТИАНЕ БАПТИСТЫ

Основной работой по ЕХБ в отчетном месяце являлось:

1) Усиление внутреннего осведомления в Иркутской общине Ев[ангельских] Хр[истиан] Бап[тистов] и Иркутском райсовете как в Центре баптистского движения в губернии, в результате работы в этой отрасли в Ирк[утскую] общину введено 3 освед[омителя], каковые уже вошли в члены общины и в скором времени примут крещение, таким образом на 1/1-24 г. внутр[енних] осведов ГОГПУ имеет 6 чел.

2) Выявление через осведомление, настроений ЕХБ в вопросах отношения к армии и власти.

3) Объединение в группы всех Баптистов, ставших на путь признания службы в армии.

4) В связи с предстоящим губсъездом 25/1-24 г. ведется подготовка через осведов Иркутска к выступлению с декларацией об отношении к власти и признания службы в армии.

На местах УУ этой работы не проводится вследствие отсутствия осведом[ителей], могущих авторитетно повести эту работу, поэтому ГОГПУ дано распоряжение об откоманд[ировании] в Иркутск по одному из лучших осведов, коих полагаем связать с Иркутской группой и через них *усилить влияние милитаристов на местах.*

5) Через внутреннее осведомление подготавливается почва к перевыборам Райсоветов, на почве недоверия к последним.

И 6) кроме вышеуказанного в отчетном месяце произведен точный учет сектантских общин и членов согласно распоряжения СОППОГПУ № 1347/обс. (см. прилагаемую табл.).

Результат работы, достигнутый в отчетном месяце, по пункт[ам] 2, 3, 4, 5 следующий:

Иркутская община, руководимая Райсоветом, состоящим по составу из старых баптистов, профессионалов сектантского движения в абсолютном большинстве из 96 ч. — 75 против признания службы в армии, и лишь остальные до 20 чел. окончательно склонены к признанию службы в армии. Эта группа состоит из молодых членов, только 2 вступили до 15 г., остальные после 20 г.

Вся эта группа нами объединена (список будет выслан дополнительно). Вопрос о выступлении ее будет до съезда не возможен, т.к. и Райсовет, и Совет общины не подозревает означенного настроения и поэтому на губсъезде вопроса об отношении к армии не выставляет, даже докладчику о Всер[оссийском] съезде¹ СОБАЧЕНКО предложено этого вопроса возможно целиком не затрагивать. Поэтому осведомлению дано задание, выступить на съезде именно по докладу СОБАЧЕНКО, настаивая на разрешении вопроса об отношении к армии. Для того чтобы подготовить мнение мест, в уезды откомандирован нами 1 освед, каковой должен установить мнение общин, и нами, в свою очередь, внедряются осведы, каковые соответст[вующим] обр[азом] инструктируются в плоскости выставления на съезд делегатов милитаристов.

Ко времени поднятия на съезде этого вопроса в печати предполагается поместить декларацию ДВ союза, и других союзов, чем вызвать съезд на выявление своих отношений к власти и к армии. Означенный план работы по всему ходу его проведения обещает дать вполне реальные результаты, в том случае если не нарушится, с одной стороны, не прибытием на съезд осведов или даже бы милитаристов с мест, а также, если Райсовет не командует основного осведа проповедника на время съезда куда-нибудь в уезд, что возможно, т.к. его настроения известны Райсовету.

Вопрос о перевыборах Райсовета уже разбирался во всех общинах, и за выставленные списки нового состава высказалось 7 общ[ин] из 15-ти. Иркутская община в Совет наметила старый состав, и в этой области будет вести агитацию среди делегатов.

Деятельность Ев[ангельских] Хр[истиан] Баптистов в губернии в отчетном месяце выразилась в организации общин на территории Ирк[утского] уезда, с этой целью два благовестника выехали в уезд, еще не вернулись и результат их работы еще не известен. Как постоянная деятельность характерна в отчетном месяце работа уличной миссии, каковая поставила себе задачу организовать вторую общину в Иркутске, с целью чего 4 ч[еловека] переброшены в самую глухую часть города, где ведут агитацию и запись приближенных.

Из проведенных 11 собраний в отчетном м[есяце] на общие проповеднические темы характерно одно, на тему «ВЛАСТЬ ТЬМЫ»² по Толстому, проповедник Мельситов доказывал, что познание человеческой жизни и правды находится исключительно в библии, и в заключении сказал, что всякая власть — есть угнетение человечества, отклоняющее его от познания света жизни, поэтому всякая власть — есть власть тьмы.

В отчетном месяце проведен съезд Районных Советов губернии, при чем последний провёлся без разрешения властей и даже нелегально, в участке Мостовка, на границе Бур[ятской] Монг[ольской] Республики и Зиминского уезда. Съезд открылся 8/XII, сведения о нем ГОГПУ получил 9/XII — 23 г., и поэтому мер никаких принять не было возможности.

Повестка дня съезда

- 1) доклад Благовестников;
- 2) о Всемирном съезде;
- 3) о Воскресных школах;
- 4) организация Кас[сы] бедноты;
- 5) о распределении подарка Американцев Иркутским Райсоветом.

По первому и второму вопросу особенных постановлений не было. По третьему вопросу постановили: во что бы то ни стало организовать Воскресные школы, по четвертому — организовать кассы бедноты, по пятому вопросу решили на съезде никаких постановлений не выносить, перенести его на губсъезд.

Председательствовал на съезде проповедник ВОЗНЕНКО из Петровской общины Зиминского уезда. Личность весьма темная с белогвардейским прошлым Унт[ер] офиц[ер] старой армии, служил добровольно у Семенова³. При чем вскоре после съезда Возненко, объединив вокруг себя до 20 ч[ленов] баптистов, открыто выступил против регистрации общин, выставляя доводы по Еванг[ельскому] писанию: не признавать власти и ее распоряжений. Возненко до этого был отмечен в агитации против налога. На этой почве среди ЕХБ Зиминского уезда произошел раскол, Возненко с двумя общинами решили не подчиняться Власти и общины не регистрировать, остальные общины признают власть и зарегистрировались. По последним сведениям, Возненко решил окончательно порвать связь с ЕХБ и поставил себе целью организовать новую секту «ДУХОВНЫХ ХРИСТИАН СЕДЬМОЙ НЕДЕЛИ».

Для более детального освещения и выявления деятельности Возненко, его личности и проч[его] в Зиму⁴ командирован сек[ретный] осв[едомитель], ранее имеющий знакомство с ним, для постановки общей работы по сектантству, в половине Января выедет. Уполномочен[ному] УУ дано задание — использовать раскол Возненко для организ[ации] осведомления, через какое-то повести работы в плоскости развития тенденции у противостоящих групп к снятию ответственности за Возненко в его антисоветских действиях, агитации, неподчинении власти, против налога и прочее.

Деятельность общ[ин] ЕХБ других уездов ни в чем особом не выявилась.

К общей работе по Сектантству как недостаток необходимо отнести абсолютный недостаток сексумм. При наличии массы командировок, содержания осведом нигде не служащих (подбор[...] особ[...] отношен[...] в СОППОГПУ).

Приложение: № 47, таблица на секты Губернии, почто[вая] телеграмма № 2554/с и № 2/с.

Начиркгуботдела ОГПУ Озолин⁵

Начсоч Никифоров⁶

Уполномоченный СО Непомнящих⁷

№ 2

Приложение к таблице состояния сект Евангельских Христиан Баптистов Иркутской губернии на 01.01.1924 г. [10, л. 9]

г. Н-Николаевск

8 января 1924 г.

СО ПП ОГПУ по Сибири

Копия Москва СО ОГПУ

Препровождая на обороте сего таблицу состояния сект Ев[ангельских] Хр[истиан] Баптистов по Иркутской губернии, ГОГПУ сообщает, что настоящая таблица составлена по спискам Общин, каковые нами получены через ГИК в результате проведенной перерегистрации, причем списки получены не на все общины, т.к. 6 общин, по нашим сведениям, с общим количеством до 210 человек еще не зарегистрировались, следовательно в таблицу не включены, помимо этого не все из представивших списки общины целиком внесли членов, по нашему приблизительному подсчету, не включено в списки до 70—75 человек, следовательно общее количество Ев[ангельских] Хр[истиан] Баптистов по губернии на 1/1-24 г. не менее 800 человек.

Приблизженных ЕХБ, т.е. некрещеных, еще насчитывается до 400 человек по губернии.

Настоящая таблица служит как определение состояния сект Ев[ангельских] Хр[истиан] Баптистов в губернии.

Во исполнение № 13472/обс в дальнейшем, рост количества общин и членов будет регулярно сообщаться.

Начиркгуботдела ОГПУ Озолин

Начсоч Никифоров

Уполномоченный СО Непомнящих

Примечания

¹ XXV Всероссийский съезд баптистов проходил 30 ноября—8 декабря 1923 г. Главным вопросом стало обсуждение проблемы признания военной службы с оружием в руках. Несмотря на присутствие значительного количества агентов ОГПУ, оказывавших давление на руководителей общин, резолюция о признании военной службы принята не была. Подробнее см.: Далгатова А. Г. Судьбы христианского сектантства в Советской России (1917—конец 1930-х годов). СПб., 2003, С. 91—92.

² «Власть тьмы» — пьеса-драма Льва Николаевича Толстого, писателя, публициста, религиозного мыслителя, написанная в 1886 г. Впервые опубликована издательством «Посредник» в 1887 г. В основу «Власти тьмы» положено уголовное дело крестьянина Тульской губернии Ефрема Колоскова, убившего младенца и прилюдно покаявшегося в содеянном. До 1895 была запрещена к постановке в России. Понятие «власть тьмы» соответствует Евангелию (Лука, 22, 53). Власть «тьмы» для Толстого — трагедия безысходности, тяжелой цепи грехов, опутывающих человека, нравственная слепота людей,

идущих на преступление ради удовлетворения самых низменных побуждений. Но «Власть тьмы» — и путь к нравственному возрождению через покаяние. Выражение стало образным определением невежества, культурной и политической отсталости (преимущественно в старой русской деревне), получило крылатость после появления драмы.

³ Григорий Михайлович Семёнов (1890—1946) — казачий атаман, деятель Белого движения в Забайкалье и на Дальнем Востоке, генерал-лейтенант Белой армии.

⁴ Зима — город, центр Зиминского уезда Иркутской губернии. В 1922—26 гг. — административный центр Зиминского уезда Иркутской области.

⁵ Озолин Александр Карлович (1887—1939) — начальник Иркутского губернского отдела ГПУ (1923—1924), в 1937 г. осуждён, умер в Читинской тюрьме.

⁶ Никифоров Дмитрий Деомидович (1900—1939) — заместитель начальника Иркутского губернского отдела ГПУ, в 1924 г. и. о. начальника Иркутского губернского отдела ГПУ, в 1937 г. арестован, умер в Бутырской тюрьме.

⁷ Непомнящих Г. А. — уполномоченный Иркутского отдела СО ОГПУ до 1924 г.

№ 3
Таблица
Состояния сектантства Иркутской губернии по учету Иргуботдела ОГПУ
на 1 января 1924 года [10, лл. 9 об.-10]

Наименование общин	Кол. чел.		Возрастной состав					Стаж					Образование				
	м	ж	От 17 до 25 л.	От 25 до 35 л.	От 35 до 45 л.	От 45 до 55 л.	Выше 55 л.	До 1900 г.	С 1900 по 1905 гг.	С 1905 по 1910 гг.	С 1910 по 1915 гг.	С 1915 по 1920 гг.	С 1920 г.	Неграмот.	Низшее	Среднее	Высшее
Иркутская община ЕХБ	32	52	13	20	27	18	13	2	—	14	16	22	37	16	73	2	—
Слюдянская община ЕХБ	26	31	15	8	16	9	9	—	—	—	22	13	22	12	45	—	—
Петровская община ЕХБ	25	31	19	10	8	11	8	—	—	—	17	17	22	9	47	—	—
Тагнинская община ЕХБ Зиминского уезда	22	29	17	6	11	9	8	2	—	—	1	12	36	36	15	—	—
Жизневская община ЕХБ Зиминского уезда	25	25	10	12	9	7	12	—	—	—	3	27	20	27	23	—	—
Мостовская община ЕХБ Зиминского уезда	21	30	7	29	8	—	7	—	—	—	—	—	51	33	18	—	—
Горовская община ЕХБ Зиминского уезда	15	10	6	6	7	2	4	—	—	—	—	4	21	8	17	—	—
Заларинская община ЕХБ Зиминского уезда	16	33	11	10	8	9	11	—	—	—	11	15	23	24	25	—	—
Зиминская городская община Баптистов	7	11	4	3	6	2	3	—	—	—	4	1	13	8	10	—	—
[...]-мская община ЕХБ Зиминского уезда	8	10	4	10	2	1	1	—	—	—	—	—	18	15	3	—	—
[...]-Хартская община ЕХБ Иркутского уезда	38	7	6	16	12	4	7	1	—	—	4	30	10	11	34	—	—
Танхойская община ЕХБ Иркутского уезда	6	7	—	2	5	4	2	—	1	—	—	9	2	7	6	—	—
Итого	248	276	112	132	119	76	85	5	1	15	78	150	275	206	316	2	—

Наименование общин	Социальное положение						Род занятий в данный момент								
	Рабочих	крестьян			Интеллиген.	Мещан	крестьян			Совслужащ.	Безработн.	Вольногруд.	Дом. Хоз. жен.	Учащийся	Спец. Сект раб.
		Бедняк	Середняк	Кулак			Бедняк	Середняк	Кулак						
Иркутская община ЕХБ	24	–	Вообще 45		9	11	–	–	–	9	12	13	30	9	2
Слюдянская община ЕХБ	19	3	Неопр. 29		1	4	–	–	–	2	3	1	22	4	1
Петровская община ЕХБ	–	38	15	1	1	1	16	7	1	–	–	–	30	2	–
Тагнинская община ЕХБ Зиминского уезда	–	51	–	–	–	–	27	–	–	–	–	–	24	–	–
Жизневская община ЕХБ Зиминского уезда	–	46	4	–	–	–	26	4	–	–	–	1	19	–	–
Мостовская община ЕХБ Зиминского уезда	2	20	26	3	–	–	14	10	3	–	–	–	24	–	–
Горовская община ЕХБ Зиминского уезда	–	25	–	–	–	–	15	–	–	–	–	–	10	–	–
Заларинская община ЕХБ Зиминского уезда	3	45	–	1	–	–	14	–	1	–	1	2	30	2	–
Зиминская городская община Баптистов	15	3	–	–	–	–	3	–	–	1	14	–	–	–	–
[...]мская община ЕХБ Зиминского уезда	–	18	–	–	–	–	9	–	–	–	–	–	9	–	–
[...]-Хартская община ЕХБ Иркутского уезда	–	30	15	–	–	–	23	15	–	–	–	–	7	–	–
Танхойская община ЕХБ Иркутского уезда	–	13	–	–	–	–	11	–	–	–	–	–	2	–	–
Итого	63	290	60	5	11	16	158	36	5	12	29	17	207	17	3

Наименование общин	Служба в армиях				Судимость		Примечание
	Царск. Арм.	Белая арм.	Красн. Арм.	Допризывн.	До революц.	За время революции	
Иркутская община ЕХБ	12	—	—	4	2	10	45 по социальному положению не выявлены
Слюдянская община ЕХБ	4	—	—	2	—	—	1 из 4 ч. служ. в Царск. арм. унт. офиц. 29 ч. по соц. полож. не выявлены
Петровская община ЕХБ	9	1	—	1	1	—	Из 9 служ. в Царск. Армии и в белой унтер офиц.
Тагнинская община ЕХБ Зиминского уезда	21	—	2	4	—	1	
Жизневская община ЕХБ Зиминского уезда	14	—	—	4	—	1	
Мостовская община ЕХБ Зиминского уезда	16	—	—	1	—	1	
Горовская община ЕХБ Зиминского уезда	10	—	—	2	—	3	
Заларинская община ЕХБ Зиминского уезда	7	—	—	1	—	1	
Зиминская городская община Баптистов	1	—	—	—	—	1	
[...]мская община ЕХБ Зиминского уезда	5	—	—	1	—	—	
[...]-Хартская община ЕХБ Иркутского уезда	12	—	2	—	—	3	
Танхойская община ЕХБ Иркутского уезда	3	—	—	—	—	—	
Итого	114	1	4	20	3	21	

Библиографический список

1. Потапова Н. В. Эволюция политики советской власти по отношению к «сектантам» (евангельским христианам и баптистам) в начале 1920-х гг. // Теория и практика общественного развития. 2014. № 19. С. 126–130.
2. Бонч-Бруевич В. Д. Кривое зеркало сектантства (По поводу I Всероссийского съезда сектантских сельскохозяйственных и производительных объединений). М.: Кооперативное изд-во «Жизнь и Знание», 1922. 40 с.
3. Красиков П. А. На церковном фронте. М.: Юридическое изд-во Наркомюста, 1923. 311 с.
4. Савин А. И. Антирелигиозная комиссия при ЦК РКП(б) – ВКП(б) и евангельские церкви в 1922–1929 гг. // Государство и личность в истории России. Новосибирск: Науч.-издат. центр «Сибирский хронограф», 2004. С. 83–85.
5. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М.: Госполитиздат, 1954. Ч. 1. 832 с.
6. Потапова Н. В. Российские баптисты и евангельские христиане: к вопросу о происхождении и единстве деноминаций // Теория и практика общественного развития. 2014. № 18. С. 133–136.

7. Критика религиозного сектантства (опыт изучения религиозного сектантства в 20-х – начале 30-х годов). М.: Мысль, 1974. 265 с.
8. Митрохин Л. Н. Баптизм: история и современность (философско-социологические очерки). СПб.: Изд-во Русского Христианского Гуманитарного Института, 1997. 479 с.
9. Советское государство и евангельские церкви Сибири в 1920–1941 гг. Документы и материалы. Новосибирск: Посох, 2004. 480 с.
10. Государственный архив новейшей истории Иркутской области (ГАНИИО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 1575.

РЫБАКОВ Роман Валерьевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры «Отечественная история».

Адрес для переписки: roman-rybakov@mail.ru

Статья поступила в редакцию 07.07.2017 г.

© Р. В. Рыбаков

Книжная полка

Полохало, Ю. Н. Всемирная история : учеб. В 2 ч. Ч. 1. История Древнего мира и Средних веков / Ю. Н. Полохало, Е. С. Стецкевич, В. В. Шишкин, Г. Н. Питулько. – М. : Юрайт, 2017. – 130 с. – ISBN 978-5-534-01746-5, 978-5-534-01747-2.

В учебнике с учетом современных методологических подходов и оценок рассмотрены основные события и тенденции социально-экономического, политического и духовного развития важнейших цивилизационных центров мира. Обозначены наиболее важные проблемы истории Запада и Востока на различных ее этапах. Предложен богатый практикум — контрольные вопросы и задания, темы докладов, рекомендована соответствующая проблематике учебная и научная литература. Издание состоит из двух частей. В первую часть включены начало всемирной истории (становление первых цивилизаций Древнего мира) и мир в период Средних веков и раннего Нового времени (развитие Запада и Востока в V–XVI веках), во вторую — Запад и Восток в период раннего Нового времени (конец XVI–XVII век), развитие всемирной истории в XVIII–XIX веках и мировое сообщество в Новейшее время. Соответствует актуальным требованиям Федерального государственного образовательного стандарта высшего образования. Для студентов, обучающихся по гуманитарным направлениям, а также для всех читателей, интересующихся всемирной историей.

Васильев, А. С. История стран Азии и Африки. Середина XX – начало XXI века : учеб. пособие / А. С. Васильев. – М. : Юрайт, 2017. – 418 с. – ISBN 978-5-9916-9365-3.

Издание посвящено истории Азии и Африки середины XX – начала XXI века. В учебном пособии анализируется роль религиозно-цивилизационной традиции в процессе поиска путей развития современного Востока. Рассматриваются варианты трансформации традиционных цивилизаций Востока и слабо развитых полупервобытных восточных обществ в общества смешанного вестернизированного типа. Особое внимание уделено ситуации на современном Востоке, включая растущие темпы воспроизводства населения. Соответствует актуальным требованиям Федерального государственного образовательного стандарта высшего образования. Для студентов, обучающихся по гуманитарным направлениям, а также для всех интересующихся историей человечества и мировых цивилизаций.